

КАК В СОЛИ КАМСКОЙ СОЛЬ ВАРИЛИ

О Верхнекамском месторождении калийных солей

Усолеваренных промыслов Соликамска богатая история. Пойма реки Камы оказалась богата источниками соляных рассолов, соляными ключами, берущими начало в подземных залежах каменной соли. Это месторождение каменных солей геологи назвали Верхнекамским месторождением солей (наряду с обычной солью, здесь присутствуют магниевые и калиевые хлориды¹). Появление этого месторождения в центральной части Соликамской впадины Приуральского краевого прогиба относят к пермскому периоду (285-240 миллионов лет назад), к концу палеозойской эры. Соляная залежь имеет форму линзы, или вытянутого овала, его площадь — более 8 тысяч квадратных километров, длина — 205 километров (от устья реки Косьвы на юге до Вильгорта на севере), ширина ее 55 км. — от правого берега реки Кама на западе до посёлка Яйва на востоке.

1 Так называют химическое соединение хлора с другими элементами, металлами и неметаллами.

Внутри контура толщи поваренной соли лежит залежь калийно-магниевых солей. Толщина залежи достигает 550 метров, она состоит из монолитных пластов различных типов солей, перемежающихся тонкими нерастворимыми прослойками из осадочных пород и минералов (глины, известняка, гипсов и пр.). Над ней располагается так называемая соляно-мергельная² толща («пачка»), где незначительные по толщине слои каменной соли разделены прослойками. Соляная толща месторождения не пропускает через себя воду, поэтому она разделяет подземные воды на два слоя — подсолевой и надсолевой. Надсолевые воды, в силу того что породы над каменной солью имеют трещины, образуют единый водоносный горизонт. Так как в соляно-мергелевой толще водообмен затруднён, здесь накапливаются высокоминерализованные рассолы. Именно эти рассолы являются источниками для ключей, которые выносят солёную воду на

2 Мергелем называют осадочную горную породу, состоящую из кальция или доломита и глинистых минералов.

поверхность земли, этот рассол и добывался нашими предками с помощью рассолоподъёмных труб.

О происхождении этих мощных залежей соли существуют две теории. Одна из них связывает появление месторождения с процессами, происходящими внутри горных пород (хлориды поднимались из мантийного вещества и, просачиваясь через земную кору, накапливались в соликамской впадине). Другая, наиболее поддерживаемая теория, — теория галогенеза (формирование растворов за счет испарения). Верхнекамский солеродный бассейн образовался в результате распада огромного кунгурского внутриконтинентального водоёма морского типа — его ещё называют Пермским морем. Оно находилось в восточной части Русской платформы и Приуральского краевого прогиба. После распада этого огромного водоёма и появляется обширное внутриконтинентальное море, которое на севере соединялось с солеродным бассейном на Русской платформе. Процесс испарения воды и выпадения в осадок соли происходил более 250 миллионов лет назад.

Сегодня считается, что первым местом производства соли русскими в Прикамье является село Верх-Боровое — его называет в книге «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» В.Н. Берх. Он пишет, что в 1430 году именно отсюда вологодские купцы Калининковы переносят свои варницы на речку Усолку³. В 1986–87 гг. Г.А. Бординских в урочище Рассолы на реке Боровице, выше по ее течению от села Верх-Боровского, открыл и исследовал первый и единственный известный комплекс по производству соли родановцами⁴. По его реконструкции, яму-отстойник,

³ Берх В. «Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей». СПб., 1821. С. 3.

⁴ Бординских Г.А. «Археологическое обследование урочища Рассолы» // Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края», Соликамск, 1986. С. 63.

расположенную на высоком берегу, внутри обмазанную и забуртованную глиной, заполняли рассолом. Рядом на костре накаляли камни, которые затем опускали в яму с рассолом. По мере испарения воды рассол сгущался, затем концентрированный рассол выпаривали в железной сковородке над очагом из камней. Огонь в очаге разводили слабый, чтобы процесс выпадения соли в кристаллы был постепенным — при слабом кипячении рассола получается более мелкая и чистая соль. Таких комплексов в Прикамье было много — родановцы к X веку уже были достаточно многочисленны. Они не только производили соль для себя, но даже экспортировали её в Волжскую Булгарию. Об этом упоминает персидский писатель Ауфи, опираясь на арабские источники X века: «... жители Булгар совершают поездки в их (югры) страну и привозят одежду, соль и другие вещи...»⁵.

⁵ Цит. по: Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV веках. — // Материалы и исследования по археологии СССР, № 22. М., 1951. С. 46.

1. История развития солеваренных промыслов в Прикамье

Первое достоверное упоминание о Соликамске и выварке соли на берегах речки Усолки относится к началу XVI века. В Вычегодско-Вымской летописи под 1505 г. повествуется: «... а Землю Нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырены раззорив, пермяков и вывел и посекал». Активно разрабатываться соляные источники в Верхней Камы стали с середины XVI века, после взятия русскими войсками Казани и ликвидации Казанского ханства. До этого вывоз соли был затруднителен, т.к. татары контролировали реки Кама и Волга, по которым можно было транспортировать большие объёмы соли в Центральную Россию. По северным рекам и волокам крупные партии соли перевозить было невыгодно, к тому же эти пути выходили на Вычегду, где тоже производили соль. С победой в 1552 году над Казанью путь по рекам Кама и Волга стал свободным. Завершение пермского солеварения связывается со строительством Соликамского калийного комбината, когда закрывается сользавод в устье Усолки. Пищевую каменную соль производит в настоящее время ОАО «Сильвинит», так что город Соликамск и в настоящее время остается поставщиком поваренной соли на рынки России.

1.1. Солеваренные промыслы Соликамска в XVI – XVIII веках

Официально принято считать, что город Соликамск возник в 1430 году. Эту дату первым привёл В. Берх в предисловии к своей

«Соликамской летописи»¹. Но, как утверждает Бординских Г.А., сообщение В. Берха не подтверждается никакими другими документами. К тому же, по мнению исследователей, первыми поселенцами в Верхнем Прикамье были новгородцы, тогда как по Берху, основатели солеварения в Усолье Камском — Калининковы — были выходцами с Вологодской губернии. О том, что основателями Соликамска были переселенцы с северо-запада Руси, позволяют утверждать данные топонимики: первое название Соликамска — Усолье Камское — пришло из новгородского (поморского) диалекта. Соликамский историк приводит и другие аргументы². Не вдаваясь в рассуждения, отметим только, что первое достоверное упоминание о Соликамске и выварке соли на берегах речки Усолки относится к началу XVI века. В Вычегодско-Вымской летописи под 1505 (1506 — в разных списках фигурируют две даты — Авт.) повествуется: «... а Землю Нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырены раззорив, пермяков и вывел и посекал»³.

В XV- начале XVI века в Прикамье соль вываривается ещё не столь интенсивно, как в последующее время. Активно разрабатываться соляные источники Верхней Камы стали с середины XVI века, после взятия русскими войсками Казани и ликвидации Казанского ханства. До этого вывоз соли из Приуралья был затруднителен, тата-

¹ Берх Василий. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — СПб. 1821. С. 3.

² Бординских Г.А. Первые века Соликамска. // «Соликамский ежегодник – 1995», отв. ред. А.Л. Зимин. – Соликамск: Соликамский государственный педагогический институт, 1996. С. 41-44.

³ Бординских Г.А. Там же. С. 43.

ры контролировали водную магистраль (реки Кама и Волга), по которой можно было бы транспортировать достаточно большие объёмы соли в Центральную Россию. По северным рекам и волокам между ними крупные партии соли перевозить было невыгодно, к тому же, эти пути выходили на реку Вычегод, где соль производили ещё с XV века⁴. С победой же в 1552 году над Казанью путь по рекам Кама и Волга стал свободным, что и обусловило достаточно быстрое развитие соляных промыслов в районе Усоля Камского.

В этот же период обращает внимание на прикамские земли, а ранее, на их минеральные богатства – соляные рассолы – А.Ф. Строганов, захвативший к этому времени все солеварни Сольвычегодска. Убедившись, что рассолы здесь богатые, он испрашивает у царя Ивана IV земли с соляными источниками. Жалованная грамота на земли по берегам Камы была выдана в 1558 году на имя старшего сына Аники – Григория. Земли Строгановы получают по обоим берегам реки со всеми её притоками от Пызновской курьи и до Ласвинского бора, северная часть которого начинается на правом берегу реки Камы при впадении в неё Чусовой. По грамоте Строгановым разрешалось строить городки, заводить соляные промыслы и заселять земли «гулящими людьми» (так назывались в прошлом отпущенные на свободу холопы, кабальная зависимость которых прекращалась из-за смерти их господ и которые не платили податей, занимаясь работой по найму). При этом купцам отводилась только та земля, которая не была заселена. Чтобы успешно осваивать земли и развивать производство, солепромышленнику была дана льгота на двадцать лет в уплате оброка (налогов), к тому же строгановские земли не были подчинены местной администрации (уездному воеводе), их дела разбирались в посольском приказе в Москве. Сначала они обосновываются в Канкоре (современное село Пыскор на левом берегу реки Кама между городами Березники и Соликамск), где строят крепость. А в 1564 году столицу пермских вотчин переносят в

Кергедан (Орёл-городок) на левый берег реки Камы, к месту впадения в неё Яйвы. В 1568 году по жалованной грамоте появляется Нижний Чусовской городок на земле по реке Чусовой.

Первые наиболее полные и достоверные данные о состоянии соляных промыслов Прикамья в XVI веке относятся к 1579 году, когда Пермь Великую описывал И.И. Яхонтов (с чисто практической целью — уточнить или вновь обложить оброком промышленников и крестьян). На посаде Усоля Камского в то время насчитывается 16 варниц. Владельцев варниц разделили на две категории: лучших и молодых людей*. К лучшим людям относились: Сергей Никитин — ему принадлежало 3,5 варницы; Михаил Ряхе (2,5 варницы); Андрей Клевост (2 варницы); Нечай Шубин (1 варница). Солеварни «лучших» людей облагались оброком в размере двух рублей. Всего «лучшие» люди платили налогов 18 рублей. К «молодым» людям относились Василий Александров, Семён Талошмонов, Лев Андреев, Никита Пядыш, Дмитрий Рукавишников, Фёдор Шелконогов и Кондак Алексеев. Каждому принадлежало по одной варнице, с которых они платили оброка по одному рублю, всего семь рублей. Следовательно, всего промыслы Усоля Камского давали оброчных денег в сумме 25 рублей⁵.

Наиболее крупным из предпринимателей на посаде Усоля Камского был Сергей Никитин, родоначальник крупнейшей из посадских солеваренных фамилий — Суровцевых. Как и другие жители города, в том числе и солевары, Никитин занимался и сельским хозяйством. Ему в конце семидесятых годов принадлежали в Прикамье пашни и двор в деревне Тогд, деревня Могильникова, пашенная земля, лес и сennie покосы по рекам Кама и Боровая в деревне Чертёж. Сергею Никитину наследовал сын, Иван Сергеев Сергеев. Внуку Никитина, Ивану Иванову Сергееву (Суровцеву),

5 Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке (к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности). – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 42.

как и деду, принадлежали различные угодья, в частности, в деревне Чертёж пашенные земли и двор, где жил его половник Игнатий Тимофеев Зырянов⁶.

В целом по писцовым книгам Яхонтова на посаде Усоля Камского все варницы принадлежали только жителям города. Особо крупных промыслов не было. Большинство посадских солеваров имело по одной варнице, только трое имело больше. А самый крупный промысел заключал в себе только 3,5 варницы. Не вызывает сомнения, что промышленники применяли наёмную рабочую силу, хотя у Яхонтова нет упоминания о солеваренных профессиях отдельных жителей Усоля Камского. Население в переписных книгах называется не посадскими людьми, а крестьянами, которые делились на пашенных и непашенных, причем преобладание последних несомненно. Так, в городе было 190 дворов, из них числилось непашенными 134 (70,6%), а пашенными 56 (29,4%). Непашенные крестьяне ставили 950 копен сена ежегодно, пашенные имели 445 четвертей пашни и 126 четвертей перелога (название оставленной без обработки на 8-15 лет после снятия нескольких урожаев земли) в одном поле. Сена пашенные крестьяне ставили 2135 копен, кроме того, им принадлежало 20 десятин пашенного леса. Все посадские солевары относились к пашенным крестьянам, то есть они совмещали промышленную деятельность с сельским хозяйством. Это, впрочем, неудивительно — часть труда своих наёмных работников они оплачивали сельскохозяйственной продукцией, так как большинство молодых посадских людей (работников на промыслах) было беспашенными. Отметим только, что они не полностью отошли от крестьянского труда. Жители Усоля Камского имели в собственности скот, об этом можно судить по количеству заготовливаемого ими сена. Кроме того, на посаде было 26 лавок, т.е известная часть населения занималась торговлей. Но среди владельцев лавок оказалось только два солевара — лучшие посадские люди Михаил Ряха и Нечай Шу-

6 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 42-43.

бин⁷. Это говорит о том, что солепромышленникам приходилось оставлять торговлю ради производства соли, так оно занимало много времени и капиталов. Но это же указывает на то, насколько было выгодно заниматься вываркой соли: привлекала величина и стабильность прибыли.

Существуют лишь отрывочные сведения о промышленниках Усоля Камского в последующие сорок с лишним лет. Наиболее полные сведения можно встретить в переписных книгах князя Михаила Фёдоровича Кайсарова, дьяка Марка Мартемьянова и подьячих Исаака Леонтьева и Афанасия Бреева. В первой четверти XVII века в Соли Камской (Усолье Камское так стали называть с начала семнадцатого века) среди солеваров появляются люди, посторонние посаду. В 1621 году значатся две варницы нижегородца посадского человека Якима Сергеева Патокина, и в том же году получен оброк с варниц гостя Ивана Юрьева и сольвычегодца Ивана Норыгина⁸.

В середине первой половины XVII века в Соли Камской насчитывалось 35 солеварен. По количеству вывариваемой на них соли, а следовательно, и по доходу их разделили на пять «статей» (категорий). Правда одна варница производила настолько мало продукции, что её не включили в «статьи». Из всех производственных сооружений солеваренных промыслов оброком облагались только варницы, что объяснимо — именно на них получали товарную соль. С варниц первой статьи оброка взимали четыре рубля; второй статьи — 3 рубля; третьей — 2 рубля; четвёртой — 1,5 рубля; пятой — 1 рубль 8 алтын 2 деньги (1,25 рубля). С не включенной в статьи (внестатейной) варницы выплачивали 1 рубль оброка⁹. Отметим следующий факт: солеварен Строгановых было больше, а следовательно, они были и более доходными. Так, Строгановы платили 5 рублей оброка с каждой

7 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 43-44.

8 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 44-45.

9 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 45.

4 Бординских Г.А. Там же. С. 41-44.

варницы. Всего с 37 варниц казённых сборов полагалось 134 рубля 21 алтын 2 деньги (две ещё располагались на речке Зырянке и принадлежали московскому жильцу Богдану Иванову Левашеву, с них оброк платился по 1,25 рубля). Сюда же входила и соль по 20 пудов с каждой варницы для наместника. Как правило, отдавали не натурой, а деньгами – по 2 деньги (одной копейке) за пуд соли¹⁰.

В 20-х годах XVII века на посаде Соли Камской не было крупных промыслов, было распространено владение совместно одной или несколькими варницами. Самые крупные солевары владели в целом двумя варницами. Таким был, например, нижегородец Яким Сергеев Патокин, впоследствии взятый в гостиную сотню (сословие торговых людей). О том, что большинство хозяйств было мелким, свидетельствует следующее – 35 варницами владело фактически 46 человек. У варницы могло быть несколько хозяев не родственников, например, Иван Фёдоров Безукладников, Парфен Григорьев Третьяков, Первой Осипов Усачёв были владельцы одной варницы. Несколько членов одной семьи могли быть хозяевами варницы – братья Фёдор и Василий Васильевы Онофриевы¹¹.

Среди посадских людей самыми состоятельными солеварами значатся братья Русин, Фёдор и Томил Елисеевы. Они имели полварницы первой статьи, совместно с Иваном Ивановым Сергеевым-Суровцевым, и целую варницу четвёртой статьи. Другой представитель Елисеевых брат названных Елисеевых – Василий — имеет совместно с Фёдором Васильевым Анофриевым варницу четвёртой статьи. Василий Алексеев представлял в это время обедневшую ветвь большой семьи посадских солеваров Соли Камской¹².

В значительной мере сдали свои позиции и Суровцевы. Их единственный представитель в конце первой четверти XVII века Иван Иванов Суровцев, внук самого богатого человека Соли Кам-

ской – Сергея Никитина, имел в собственности половину варницы первой статьи и целую четвёртой статьи. Ему принадлежали и земельные угодья, всего около ста десятин пашни, перелога, пашенного леса и сенных покосов. Не вёл И.И. Суровцев и крупной торговли. На посаде Соли Камской ему принадлежит одна лавка, причем низшей, третьей категории. Объясняется это, скорее всего тем, что Иван Суровцев в 1623-24 годах был ещё очень молодым человеком. В документах 1646 года у него только один пятилетний сын — Федот, другие сыновья — Гаврило, Иван Большой и Иван Меньшой, создавшие богатство семьи, — родились позже. Это говорит о том, что в 20-х годах XVII века Ивану Иванову Сергееву-Суровцеву было очень мало лет, и скорее всего он рано осиротел. Поэтому и неудивительна определённая скромность хозяйства, очень молодому человеку сложно развивать большое и многоплановое предпринимательство¹³.

В начале XVII века в документах Усоля Камского начинает фигурировать семья Ростовщиковых. Об их хозяйстве мало что известно. По писцовым книгам 1623-24 годов среди младших людей значится Иван Семёнов сын Ростовщиков с детьми Титом и Осипом. Ивану Ростовщикову принадлежала четверть варницы третьей статьи. Ни лавок, ни сельскохозяйственных угодий за Ростовщиковым не числилось. Но впоследствии благосостояние семьи начинает расти, И.С. Ростовщиков уже значится в числе лучших посадских людей. Настоящим создателем богатства Ростовщиковых стал внук Ивана Семёнова — Александр Васильев Ростовщиков¹⁴.

К переписи солеваров Кайсарова увеличилось и число владельцев варниц пришлых людей. Кроме Патокина, Юрьева и Норуыгина, значатся Москвитины, Григорий Григорьев Чебоксарец и Аникей Григорьев Цыбин, гостиной сотни Максим Яковлев Дощеников (купцы, относящиеся к торговцам-гостям и гостиной сотне были приписаны к Москве).

13 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 58-59.

14 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 59-60.

Владельцем одной солеварни значится Соликамский Вознесенский монастырь, им он стал в начале века, когда 16 сентября 1608 года варницу вложил в монастырь Максим Васильев Александров. Впоследствии у монахов появилось и варничное место, ставшее владом Елисея Васильева Александра (одна половина) и сыновей Ивана Лаптева, Фёдором и Трифоном¹⁵ (другая). Кризис Русского государства начала XVII века, военные действия в центральных и южных его районах, польско-шведская интервенция способствовали тому, что купцы из разоренных городов стали искать приложение своих капиталов в более спокойных местах, коим и явилась Соль Камская. Так в Прикамье появляются крупные купцы русского государства.

Значительное негативное влияние на развитие солеваренных промыслов в Соли Камской оказывал бич древнерусских городов — пожары. Так, в Соликамске на протяжении XVII века, по «Соликамскому летописцу» В.Н. Берха, произошло пять пожаров¹⁶. Огненная стихия особенно разрушительной для промыслов оказалась в 1635 и 1688 годах¹⁷. Государство освободило соликамцев от уплаты стрелческих денег за вторую половину 1687/88 и целый 1688/89 год. Налоговые освобождения казной были предоставлены и на 50 лет раньше.

Пожар 1635 года оказал существенное влияние на развитие промыслов. Как заключает Н.В. Устюгов, в первые 11 лет после переписи Кайсарова в городе «продолжался рост посадского солеварения, причем возрастало главным образом количество соляных варниц, принадлежащих посадским людям». Необходимо отметить усиленное внимание к соликамскому солеварению со стороны торговых людей других городов и гостиной сотни – так, в 1627/28 годах в Соли Камской появились семь новых варниц. Среди их владельцев были и знакомые нам – Дмитрий Ростовщиков

15 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 44.

16 Берх В. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. – СПб. 1821, С. – 208-212.

17 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 62; 80-81.

с братьями, Василий Елисеев. Пришлый человек был один – Пётр Нижегородец, построивший варницу совместно с Иваном Алексеевым Туронтаевым, средним посадским человеком¹⁸. К 1634 году среди соликамских солеваров значится стольник, впоследствии боярин, Василий Иванович Стрешнев. Ему принадлежало три варницы. Стрешнев появился в Прикамье не случайно — сюда в начале тридцатых годов он был направлен царём Михаилом Фёдоровичем для поиска медных, серебряных и золотых руд. Экспедиция удалась; хотя ни золота, ни серебра найдено не было, медные руды в Чердынском и Соликамском уездах были открыты богатые. В этой экспедиции принимал участие и представитель высшего слоя купечества гость Надей Андреев Светешников¹⁹. Как и Стрешнев, Надей Светешников не приминул воспользоваться случаем, он приобретает варницу на посаде Соли Камской. Среди других солеваров, обосновавшихся в городе, значатся Богдан Цветной, Иван Черкасов с братьями, Измайло Дубенский и Василий Шорин. Пожар 1635 года изменил ситуацию, в огне сгорела значительная часть жилых построек и около половины варниц. После бедствия новым строительством солеваров занимаются в большей степени пришлые люди. Объясняется это достаточно просто — значительная часть местных промышленников владели производством на паях, частями варниц, то есть финансов у них было явно недостаточно, чтобы самостоятельно поддерживать такое капиталоемкое производство. Огонь уничтожил не только варницы, но и дрова, которые нужны были в больших количествах. После таких потерь могло не хватить средств для восстановления, поэтому небогатые посадские люди продают свои места для постройки варниц пришлым. Так, из 35 варниц, бывших в Соли Камской в 1623 году, в пожаре сгорело 17, из построенных после переписи 17 солеварен десять сгорело, семь сохранилось. Таким образом, к 1644/45 го-

18 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 81.

19 Манькова И.Л. У истоков российской модернизации. // «Уральский исторический вестник», № 5-6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2000. С. 189.

дам в Соликамске действовало 27 варниц, а 17 выбыло из строя. Из 27 рабочих солеварен людям, тянущим посадское тягло (так называли местные налоги), принадлежало только 7, остальными 20-тью владели промышленники, не входившие в городскую общину, хотя среди них и были уроженцы Соликамска, как, например, Братья Елисеевы и Иван Анофриев. Их записали в гостиную сотню, формально они числились жителями Москвы, платили там тягло, хотя проживали на родине, где у них было собственное дело – солеваренные промыслы.

Уже упоминавшийся Иван Иванов Суровцев в пожаре 1635 года потерял все свои варницы, но через десять лет у него уже была солеварня второй статьи. Представитель другой семьи — Ростовщиковых — Пётр сын Иванов не потерпел никакого урона. В середине XVII века на посаде Соликамской самый крупный промысел был у гостинной сотни братьев Черкасовых, выходцев из Ярославля. Им принадлежало 7 варниц, пять из которых действующие. Две солеварни Вознесенского монастыря не пострадали в пожаре и работали, а вот приобретённая у жителей Соликамска Троицко–Сергиевским монастырём варница сгорела. Правда, к середине века у монастыря уже была одна солеварня, но она стояла в «пустее», за монастырём числилось и варничное место (яма от сгоревшей варницы)²⁰.

Наивысшего расцвета солеваренная промышленность Соликамска в XVII веке достигла в его второй половине, в 70-80 годы. И только опустошительный пожар 1688 года в какой-то степени скорректировал рост количества варниц. Перед пожаром в Соликамской располагалось 58 солеварен. Принадлежность удалось установить только для 42 солеварен, но общую тенденцию проследить можно: у 13 — хозяевами были посадские люди, а 29 — принадлежало пришлым предпринимателям. Когда-то крупнейшие солевары Соликамска братья Черкасовы потеряли своё первенство. Наибольшее количество варниц, всего 6, уже оказалось

у балохонских посадских людей братьев Соколовых (Ивана, Константина и Василия Ивановых), появившихся на Соликамской в начале 60-х годов. Посадские солевары, утратив своё первенство после пожара 1635 года, также консолидируют производство, их число сокращается до девяти семей. Из посадских самыми богатыми были Суровцевы. Сыновья Ивана Иванова: Федот, Гаврило, Иван большой и Иван меньшей, имеющие пять варниц, в конце 70-х годов значатся в гостинной сотне. Но к январю 1679 года они вместе с Титом Самойловым Хлепятиным, также владевшим с компаньонами четырьмя солеварнями, отбиваются от столь дорогостоящей чести (за причисление к той или иной купеческой категории приходилось ежегодно выплачивать гильдевые взносы). Остальные солевары владели по одной варнице. Из них выделим только Ивана Михайлова Ксенофонтова, сына подъячего Соликамской приказной избы Михаила Петрова Ксенофонтова, который вместе с сыновьями значится среди посадских людей средней статьи²¹.

Пожар 1688 года почти полностью уничтожил соляные промыслы в Соликамске. Челобитная посадского мира о предоставлении льготы при уплате стрелецких денег так рисует картину разрушений: сгорели почти все дворы, лавки, амбары, церкви, воеводский двор, таможенная изба, кружечный двор* и все соляные промыслы. Но льгота предоставлялась только для 554 погорелых дворов. Жители Соликамской в челобитной «сгустили краски» — на деле же около 250 дворов уцелело, сохранилась и часть варниц. Так, у И.И. Суровцева уцелело 4 варницы и запасы дров, а у Ксенофонтова ничего не сгорело. То, что часть варниц этих промышленников сохранилась, дало им впоследствии возможность быть одними из самых богатых людей города. Хотя пожар нанес значительный урон, но уже через два года крестьяне Инвенского, Обвинского и Косьюинского поречий в своей челобитной отмечали: «После того пожара

соляные варницы и дворы построили лутче прежних», а о варницах — «соля варят они, усольцы, варниц в 30 и больше, и варничному промыслу простою никакова не бывает»²².

Но прежде чем продолжить повествование о соляных промыслах Соликамска, расскажем о процессе выварки соли и самих производственных сооружениях. К сожалению, от XVII века не осталось описаний промыслов. Есть только так называемые «записки об устройстве рассолоподъемной трубы». В какой-то степени мы можем представить сооружения на промыслах по сохранившемуся рисунку из рукописного альбома шведа Эрика Пальмквиста «Несколько замечаний о России, о её дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю». Одна из копий альбома хранится в Историческом музее в Москве. Хотя рисунок Пальмквиста нам представляет комплекс сооружений на промыслах в Тотьме, но он даёт представление и о Соликамских солеваренных промыслах, так как в Соликамской было много выходцев с Тотьмы, работавших на выварке соли.

Сами сооружения были очень примитивными. Рассол добывался из колодцев с помощью журавля. Об этом писали и проезжающие через город путешественники. Так, один из проезжающих через город иностранцев в 1666 году писал: «Здесь вываривается много соли из воды, вычерпываемой из источников. Источников здесь очень много, поэтому, когда выезжают к городу из леса, вид его производит впечатление, будто стоят много сот кораблей с их мачтами, благодаря черпакам, которыми черпают воду»²³. Рассол вычерпывали бадьями, деревянными ведрами, по желобам направляли в варницы, которые представляли собой квадратные или прямоугольные срубы, без окон, под двускатной крышей. Посередине помещения вырывали квадратную яму, над ямой располагался чрен (цырен), сковорода для варки рассола, который

лежал на краях ямы (или, как её правильно называть, подцыренной печи). Устье печи, то место, куда накладывали дрова, располагалось напротив входа в варницу. Дрова для работы солеварни складывали рядом у одной из стен. Топили солеварни по-черному, дым из подцыренной печи выходил в помещение и только затем уже через отверстия, расположенные вверху сруба под крышей. Готовую соль складывали в специальных амбарах – соляных магазинах, но для складирования могли использовать и приспособленные помещения. Например, в 1707 году помещение одной из варниц Суровцевых использовалось как соляной амбар²⁴. За сутки с одной варницы получали от 60 до 75 пудов соли, для переноски соли из варницы в амбары использовали так называемые «варничные меха» (мешок, в который входило 4 пуда соли); при нагрузке учитывали однако по три пуда соли, так как один пуд оставляли на усушку и раструску²⁵. Весной, когда вскрывались реки, соль отправляли в места продажи на баржах.

В период с 1688 по 1707 годы в составе солеваров Соликамской произошли существенные изменения. Ещё до пожара в городе появляются братья Рязанцевы: дьяк Степан Радионов Рязанцев, его братья Петр и Степан же Родионов Рязанцевы, суконной сотни торговые люди и сын второго Степана – Фёдор Степанов Рязанцев. По документам 1671 года, Степан Рязанцев имел варницу в остроге, перешедшую к нему от Алексея Анофриева. Во время бедствия 1688 года имущество Степана Рязанцева сгорело. Отстроенные варницы сын Степана Радионина Рязанцева Фёдор продаёт в 1692/3 годах Ивану Иванову Суровцеву и А.В. Ростовщикову²⁶. Так закончилась недолгая история рязанцевских промыслов в XVII веке. Крупнейшими соляными промышленниками Соликамска они стали уже во второй половине XIX века.

В последние два десятилетия XVII века и первые десять лет

22 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 81.

23 Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке. // Бординских Г.А. Шилов В.В. «Бабиновская дорога – путь длиной в 400 лет». – Березники, 1998. С. 27.

24 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 85.

25 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 288-289.

26 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 83-84; 88.

XVIII века две крупные семьи солепромышленников Соли Камской Суровцевы и Ростовщико­вы не только строят, но и скупают варницы и варничные места. Так, Суровцевы приобрели промыслы посадских людей Луки Вологженинова с братьями и И.И. Сапожникова у пришлых людей Н.Ф. Вине­вита­ва, Рязанцевых, А.И. Соколова и Ф.М. Щепоткина²⁷. Ещё более интен­сивно увеличивал своё промысловое хозяйство А.В. Ростовщико­в, внук молодшего посадского человека Ивана Семёнова Ростовщико­ва. Во второй половине XVII века Александр Васильев Ростовщико­в стал единственным солеваром в семье. Его дядя, Осип Иванов Ростовщико­в, имевший одну солеварню, умер, не оставив наследников мужского пола. А вот судьба племянника оказалась гораз­до богаче событиями. В 1644/45 годах его отца, Василия Иванова Ростовщико­ва, по приговору соликамского посадского мира отпра­вили таможенным головой в Якутск, куда он и уехал с семьёй. Прослужив несколько лет в Якутском остроге, он переселяется в Енисейск, где, про­жив некоторое время, умирает. После смерти отца А.В. Ростовщико­в возвращается в Соликамск. Учитывая то, что Ростовщико­в находил­ся под покровительством Григория Дми­триевича Строганова, о чем упоминается в документах, можно утверждать, что Ростовщико­в какое-то время служил у именитого человека. Алексей Васильев Ростовщико­в в спорах между соляным магнатом и жителями Соликамска всегда вставал на сторону первого. Самый характерный пример – поглотение Григорием Дмитриевичем лавенских промыслов Филатьевых и Шустовых. Ростовщико­в в споре между Строгановым с одной стороны и соликамским посадским миром, и Шустовыми, и Филатьевыми, с другой — выступал вме­сте с первым, противопоставив себя жителям Соликамска. За это соликамцы пытались отправить его, как и отца, таможенным голо­вой в Якутский острог. Но солевару удалось отбиться от этого на­значения, сославшись на службу отца. Другому члену семьи – Ва­силью Максиму Ростовщико­ву, племяннику Алексея Василье­

ва, принадлежала часть промысла Кириловых, когда-то купленно­го братьями совместно²⁸. В конце XVII века прочные позиции среди посадских солеваров заняли братья Иван и Фёдор Ксенофонто­вы. Вначале у Ивана Михайлова Ксенофонтова, как уже упоминалось, была одна варница, затем он «с товарищами» строит в 1678/79 году ещё одну. Последующее увеличение количества варниц происхо­дит обычным путём: посредством закладов, покупок и постройки²⁹.

Совсем другая ситуация наблюдается с промыслами людей посторонних посад Соли Камской. Торговые люди или разоряют­ся, или вводят свой капитал в другие регионы. В значительной сте­пени, например, пошатнулось положение семьи Соколовых (родо­начальник Иван Ларионов Соколов служил у гостя Григория Леон­тьева Никитникова варничным приказчиком). По переписным кни­гам 1646/47 годов у Соколова значатся пятеро взрослых сыновей: два Ивана, Пётр, Константин и Василий. После перехода никитни­ковских варниц в казну, братья Соколовы перебираются на посад Соликамска. В конце 60-х годов у них была одна варница, а перед пожаром 1688 года их промысел был самым крупным в Соликам­ске. Но в конце века А.И. Соколов, внук Ивана Ларионова, теря­ет значительную часть своих солеварен, полученных в приданое за женой – дочерью тягльца московской полусотни Ф.М. Щепот­кина. Эти варницы были заложены И.И. Суровцеву за 600 рублей. Поскольку долг не удалось отдать вовремя, этот промысел пере­шел к Суровцевым. Впоследствии И.И. Суровцев прибирает к ру­кам и другие солеварни Афанасия Соколова. Афанасий чуть было не стал кабальным холопом своего заимодавца. Но, «вспомнив», что они свояки, женаты на родных сёстрах, Суровцев отдал часть захваченного имущества Афанасию Соколову «для прокормления по свойству»³⁰. Интересна история гостей Василия и Алексея Фила­тьевых. Их отец, Остафий Иванов Филатьев, купил в 1680 году про­

мысел на реке Лёнве, расширил его к 1695 году до 11 варниц, но на следующий год промысел был захвачен Г. Д. Строгановым. Фи­латьевы переезжают в Соликамск, где у них уже к рубежу веков было четыре варницы. А в 1705 году, ко времени введения госу­дарственной монополии на продажу соли, братья Филатьевы пре­кращают промысел³¹.

В начале XVIII века Прикамье было передано из Новгородско­го приказа в ведение Сибирского. Дьяки приказа дали поручение местному воеводе, стольнику князю Ивану Ивановичу Шербато­му, определить хозяйственные ресурсы региона и размер вноси­мых населением податей. Князь Щербатов и произвёл перепись дозор в 1707/08 годах.

По дозорной книге в Соликамске было 46 варниц, по хозяй­вам они распределялись следующим образом:

Владельцы	Количество варниц			Примечания
	действую­щие	пустые, строя­щиеся	всего	
Гости Василий и Алексей Остафьевы Филатьевы	-	4	4	Перестали варить соль с 1705 года
Соли Камской посадские люди Иван больший и Иван меньший Ивановы Суров­цевы.	13	7	20	Одна из действо­вавших варниц использовалась как соляной амбар
Соли Камской посадский че­ловек Александр Васильев Ро­стовщико­в	10	1	11	Одна варница строилась.
Соли Камской посадский че­ловек Василий Максимов Ро­стовщико­в.	2	-	2	
Соли камской посадские люди Иван и Фёдор Михайло­вы Ксенофонто­вы.	3	2	5	
Соли камской посадские люди Пётр и Роман Николины Сапожниково­вы.	-	1	1	
Балохонец посадский человек Афанасий Иванов Соколов.	1	2	3	

31 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 92.

Всего	29	17	46
-------	----	----	----

Согласно данным дозорной книги, можно сделать следующие выводы о развитии промыслов в XVII веке. На посаде Соли Кам­ской уменьшается как количество варниц, так и число промыш­ленников. Общее число солеварен было 46, но производили соль только 28. Это неточная цифра, так как в «дозор» были включены сведения, касающиеся лишь тягло­го населения, не было отраже­но феодальное частное землевладение. В розыске Щербатова не показано владение ни Строгановых, ни Пыскорского и Вознесен­ского монастырей. Промысел Троицко-Сергиева монастыря до конца века не сохранился, скорее всего, он не был восстановлен после пожара 1688 года. У Соликамского Вознесенского мона­стыря соль вываривалась и после 1705 года, когда монастырь высту­пал как подрядчик поставок соли в казну³². Если у монастыря в се­редине века было 2 варницы, а затем их количество не увеличива­лось, то есть все основания полагать, что монастырский промысел состоял из двух варниц. То есть общее количество действующих солеварен в Соликамске должно быть не менее 30.

Средняя производительность варниц, по расчету Н.В. Устюго­ва, – от 70 до 120 пудов соли в сутки. Поскольку варничный год со­стоял из 264 дней (22 варничные недели по 12 выварочных дней)³³, с одной варницы получали 18 500 пудов соли, а в городе про­изводилось 555 000 пудов с 30 солеварен. Эти данные надо счита­ть завышенными, так как показатели взяты из труда Н. С. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданско­му и естественному ея состоянию», где показано положение дел на промыслах на рубеже XVIII – XIX веков³⁴. Производительность промыслов во многом зависела от концентрированности рассу­лов, а в начале девятнадцатого столетия рассолы были значитель­

32 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 85-86.

33 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 39.

34 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданско­му и естественному ея состоянию.- СПб., 1811, ч.1. С. 261.

27 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 89.

28 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 89-91; 121-122.

29 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 91.

30 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 83; 88-89.

но богаче, чем на сто лет до этого: увеличилась глубина рассолоподъёмных труб, в XVII веке ставили только одну матицу, и труба имела длину 10 сажень (до 20 метров), а в начале XIX века рассолоподъёмные скважины бурили уже до 45 сажень глубины, что позволяло добывать более насыщенные рассолы. Исходя из приведённого выше, можно согласиться с мнением Е.В. Ястребова, который в статье «Из истории освоения рассолов Прикамья» ставит под сомнение выводы Устюгова об общем количестве получаемой соли в год конца XVII века в Перми Великой в 7 миллионов пудов. Ястребов доказывает, что объём производимой пермячки в Прикамье не превышал 5,5 миллионов пудов³⁵. Впрочем, это не принижает значения Прикамья как «всероссийской солонки».

Если проследить развитие солеваренной промышленности на посаде Соли Камской с конца XVI до начала XVIII века, то виден путь от мелких промыслов посадских людей через укрупнённые промыслы, принадлежавшие главным образом пришлым гостям и торговым людям гостинной сотни (и лишь в какой-то степени жителям Соликамска), к крупной промышленности разбогатевших посадских семей.

Разорению посадских солепромышленников давали ускорение так часто бывшие в Соликамске пожары. Наиболее показательна в этом случае ситуация до и после пожара 1635 года. После переписи Кайсарова до пожара промыслы посадских людей и пришлых солепромышленников развиваются на равных. Но после пожара преобладающими стали промыслы пришлых людей. Связано это было с тем, что солеваренные промыслы очень капиталоемки, требовалось много денежных ресурсов на оборотный капитал (заготовка топлива, выплата заработной платы, уплата налогов), тогда как вложенные средства возвращались только на следующий год. Посадские солепромышленники в большей своей

35 Ястребов Е.В. Из истории освоения рассолов Прикамья. // «Природные ресурсы и вопросы их рационального использования»: Сб. трудов МОПИ им. Крупской. – Москва, 1976, С. 99-111.

массе не имели достаточных денежных средств, о чем свидетельствует и мелкая собственность (одной варницей могло владеть и два, и три, и четыре хозяина), а результат – заклад собственности и возможная её потеря. Сильным ударом по богатым городским семьям была высылка 15 лучших посадских людей с женами и детьми в Азов на вечное житьё — за противодействие Г.Д. Строганову при захвате Лёнвенских промыслов. Среди этих пятнадцати оказались и представители солеваров, что, несомненно, оказало влияние на благосостояние этих фамилий. Удалось избежать ссылки только братьям Суворцевым, хотя один из братьев и принимал активное участие в событиях³⁶. Конечно, влияла на частую смену собственников обстановка первоначального накопления капитала с её большими рисками.

Соликамская промышленность начала привлекать торговых людей в начале XVII века не только качественными рассолами и возможностью вложить капитал, но и тем, что восточные окраины государства оказались менее всего затронуты кризисом – урожаиями, гражданской войной и шведско-польской интервенцией. Здесь было меньше рисков для предпринимателей, да и соль как товар имела повышенный спрос, её постоянно не хватало. Во второй половине века, когда в российском государстве начался экономический подъём, высшие слои купечества начинают переводить свои деньги из Соли Камской в центральные районы. Не менее важным фактором было и начало становления железодельной промышленности в России, в значительной степени отвлёкшей на себя денежные средства. Важным обстоятельством в промышленном развитии Соликамска стала «Государева дорога в Сибирь» (Бабиновская дорога), что сделало Соли Камскую известным перевалочным и торговым центром по дороге в восточные регионы России.

Изучение материалов по истории солеваренной промышленности Соли Камской позволяет сделать следующие выводы:

36 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 122.

1. Наиболее благоприятные условия залегания рассолов, более насыщенные солью источники встречались именно в Прикамье. Этот фактор привлекал многих торговых людей из других соледобывчных районов: Виневиловых — со Старой Русы, Соколовых — с Балахны. Другим важным фактором, привлекавшим солеваров, было богатство региона топливом — лесными богатствами Приуралья славилось и в то время. Именно недостаток дров близ Сольвычегодска и крепость рассолов по берегам реки Кама стали факторами, заставившими Анику Фёдорову Строганова основать солеваренные промыслы в Прикамье.

2. Соляные промыслы Усоля Камского являлись централизованной капиталистической мануфактурой, основанной на мануфактурном разделении труда. Их продукция отправлялась на продажу, а в производстве использовалось экономическое принуждение, наёмная рабочая сила. У Строгановых и Пысковского монастыря использовался наряду с наёмной силой также труд крепостных. Рынок сбыта прикамской соли был огромным: Кунгурский уезд и Вятская земля, часть соли шла на Верхотурье по «бабиновскому» тракту. Но больше всего соли шло в Нижний Новгород (на Макарьевскую ярмарку), а из Нижнего Новгорода дальше по Оке и Волге. У Г. Д. Строганова были соляные амбары даже в Твери (верховья Волги). Основной груз соли шел по Оке. Крупные соликамские солевары имели дворы и соляные амбары в Рязани, Коломне, Калуге, Орле. Из Коломны соль шла в Москву, из Калуги и Орла – в Смоленск и на Украину.

3. В соликамской солеваренной промышленности сложились явления, характерные для капиталистической промышленности. Здесь ярче, чем в какой-либо другой отрасли промышленности, прослеживаются новые социально-экономические отношения. Для XVI – XVII века солеварение было передовым участком русской промышленности. Сюда вкладывались наиболее крупные капиталы, здесь шире, чем в какой-либо другой отрасли производ-

ства, эксплуатировался наёмный труд³⁷.

1.2 Соликамск и его промыслы в XVIII веке

Введение государственной монополии на продажу соли с 1 января 1705 года определило развитие солеварения не только в Соликамске и Прикамье, но и по всей России. «На Москве и городах, у всяких чинов людей, соль описав, продавать из казны... впредь соль ставить в казну подрядом, кто похочет»³⁸. Установление монополии было обусловлено фискальными причинами. Государству требовались средства для ведения Северной войны, для содержания и перевооружения армии, развития металлургической и текстильной промышленности. Уже в первые годы введения монополии на соль казна получает ощутимые прибавки государственного бюджета. Так, если до 1705 года доход от пошлин на соль был 70 400 в год, то с 1705 по 1709 год он уже не менее 300 тысяч рублей. В 1710 году это 400 000 рублей, в 1710 по 1728 год – 659 тысяч рублей. Государство всячески оберегало свои финансовые интересы: соль продавалась по ценам в два раза выше закупочной. Купленную же у государства соль запрещалось продавать. Поставщики оплаты своей продукции получали только после того, как казна продавала соль. Сбор доходов и продажу соли вменили в обязанность магистратов и ратуш³⁹. Для реализации соли были назначены специальные комиссионеры (подрядчики), например, в Соликамске им был свояк Ивана Иванова Суворцева Афанасий Иванов Соколов, промыслы которого стали приходить в упадок⁴⁰. Но казна не справилась с «продовольствием» населения солью, и правительство выпускает указ от 21 февраля 1706 года «О покупке соли из казны и о распродаже оной промышленникам с установленно для них прибылью не чиня принуждения част-

37 Устюгов Н.В. Указ. раб. С. 311-315.

38 Полное собрание законов, 1705, № 209, СПб, 1830, Т. IV, С. 279.

39 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. – Л., 1984, С. 10.

40 Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке (к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности). – М., 1957, С. 89.

ным людям в покупке оной из казны». По этому указу торговым людям по покупке продукта на государственных складах позволялось продавать её по уездам, получая прибыль 1-2 копейки сверх установленной цены⁴¹. Но, ни данная мера, ни поощрение промышленников в развитии солеварения (им начали выдавать ссуды на постройку варниц с условием, чтобы «соль варили с излишеством»⁴²) не оправдали ожиданий правительства. Начиная сокращаться доходы от продажи соли; так как цена увеличилась более чем в два раза, то население стало сокращать её потребление. Как свидетельствует русский писатель-экономист Иван Тихонович Посошков в «Книге о скудости и богатстве», в связи с недостатком соли и ростом цен на неё «от бессолицы напрасно люди помирают»⁴³. Одной из мер по сохранению доходов казны от монополии стало разрешение с 1711 года торговли солью «людям всякого звания», введение откупов: «Чтобы они соль всю взяли на себя и торговали бы повальною ценою, а в казну Государеву пошлины по указу, также и противу подряда 1710 года прибыльные деньги платили бы всегда. А буде той соли для вольного торгова на себя взять они не похотят; и они б из подрядной цены прошлого года, а без убавки на подряд им не отдавать». Вводится институт выборных из купечества голов, целовальников, ларечных, стоявших у продажи соли и «надзирающих» за ними таможенных бурмистров.

Доходы в государственный бюджет поступали большие, но и расходы были огромными. Для усиления контроля эти средства с 1710 года стали поступать в распоряжение Правительствующего Сената, а с 1715 года они уже находятся в непосредственном ведении Петра I. Деньги от соляного сбора запрещалось использо-

вать без именного царя или правительствующего Сената указов⁴⁴.

Из-за низкой закупной цены промышленники почти не получали прибыли, в результате мелкие предприниматели разорялись. Как писал П. Милоков в книге «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»: «...варницы пустыли десятками, колодцы с рассолом умышленно портились и засорялись, поставщикам заявляли, что у них на продажу соли нет»⁴⁵. Не обошлось и без злоупотреблений: оптовым покупателям, берущим соль пудами, приходилось давать взятки целовальникам, а мелких покупателей целовальники отправляли к своим товарищам, где они могли и не приобрести нужный товар на маленькую сумму. Бедняки не могли купить соли на каких-нибудь 10 копеек⁴⁶. Для прекращения «воровства» в 1720 году соляную часть вновь берут в казённое управление — в Камер-Коллегию, а с 1724 года продажа соли поступает в ведомство Кабинета Его Величества. Но государственная торговля солью привела не к снижению цен, как предполагалось, а к их повышению — из-за расходов на доставку, на содержание торгового аппарата. Недовольство населения высокими ценами на соль и сокращение производства вынудили Верховный тайный совет отменить казённую продажу соли, которая была отдана на откуп — «продовольствие государства предоставлено промышленности»⁴⁷. Казенный доход с соли предполагено было взимать пошлиною, которая для пермской соли составляла 5 копеек, а для самосадочной по 3 копейки с пуда. Одновременно был издан первый «Устав о соли», а соляную часть вновь передали в ведение Камер-коллегии. Однако возникают прежние злоупотребления, и цена на соль не понизилась, а возрос-

ла, что привело «к стеснению народа», а самое главное, к сокращению доходов государства. Казна, вместо выручаемых прежде 600 000 рублей ежегодно, не получала и трети, поэтому в 1731 году выходит указ о восстановлении соляной монополии. Одновременно под ведением Кабинета Её Величества в Москве была учреждена Соляная Контора для общего надзора над продажей соли по губерниям и для правильности исполнения обязанностей владельцами промыслов. В её функции входило и создание условий для развития русских соляных промыслов. Указами 1733 года от 7 мая «О прибавке Соликамским промышленникам к истинной указной цене соли по одной копейке за пуд» и от 23 июня «О вольной торговле солью» устанавливались для солепромышленников некоторые льготы, в том числе освобождение от различного рода повинностей. В 1740 году была установлена единая продажная цена соли — 40 копеек за пуд, до этого она была не ниже 24 и не выше 29 копеек. В царствование Елизаветы Петровны в 1754 году Соляную Контору переименовывают в Главную Соляную Контору. Её функции заключались в надзоре за состоянием соляного производства, за сбором доходов от продажи соли. Её приравнивали к Коллегиям, поэтому её руководители могли обращаться с докладами прямо к императрице. С 1773 года Главную Соляную контору возглавляет генеральный директор, без утверждения которого не исполнялось ни одно распоряжение. Были добавлены следующие функции:

1. Заготовление запасов соли по губерниям, но не более чем на два года;

2. Строительство в каждой губернии запасных магазинов (складов), а по уездам магазинов местного продовольствия, из которых и осуществлялась продажа соли предпринимателям для реализации её населению.

В период с 1756 по 1775 годы несколько раз изменялась отпущ-

ная из казны цена пуда соли. В 1756 году её подняли до 50 копеек, но уже в 1762 снизили на 10 копеек, а с 1775 года ещё на 5 копеек, то есть пришли опять к стоимости до 1756 года⁴⁸. Годовой доход от соляной монополии в конце XVIII века составлял до 1,5 миллионов рублей (по докладу Министра внутренних дел от 4 июля 1803 года). В связи с губернской реформой Екатерины II произошли изменения и в управлении соляной частью. В губерниях при генерал-губернаторах как административный и надзорный орган появляются Казённые палаты, отвечающие за сбор налогов и надзирающей за расходованием казённых средств. Тогда же принимается второй Устав о соли, по которому Главная соляная контора упразднялась, а её функции перекладывались на Казённые палаты. Основными функциями по соляной части было определение для губернии потребности в годовых объёмах потребляемой соли; «испрашивание» в центральных органах необходимых сумм для закупки продукта; заключение подрядов на поставки и учреждение комиссий, занимающихся подрядами. Вырученные от продаж деньги направлялись в государственное казначейство. Палата не должна была вмешиваться в управление частными промыслами, ей вменялось только наблюдение за тем, чтобы доставка соли происходила на добровольных с казною условиями. Для продажи соли на местах учреждаются особые соляные приставы, цена на соль была установлена в 40 копеек. Контроль за деятельностью Казённых палат осуществлял генерал-губернатор. Генерал-губернаторы должны были создать в подведомственных им губерниях двухгодичный запас соли, для всей страны он должен был составить 23 миллиона пудов.

С восшествием на престол императора Павла I восстанавливается Главная соляная контора с главным директором во главе и со всеми органами на местах. Казённые палаты же должны были точно исполнять распоряжения Главной соляной конторы. Одно из первых поручений Главной соляной конторе было поручено

41 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. — Л., 1984, С. 10.

42 Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. — М.-Л.: «Издательство Академии наук СССР», 1948, С. 341.

43 Широкова В.А. Соляные промыслы России. — <http://vivovoco.rsl.ru>, С. 6.

44 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. — Л., 1984, С. 10.

45 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. — Л., 1984, С. 11.

46 Богданов М.В. Соль Соликамска. — Соликамск, 2010, С. 59.

47 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. — Л., 1984, С. 12.

48 О соляном промысле в России (исторические сведения о законодательстве по соляной части). // «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год», — СПб., 1862. С. 91-93.

сделать в Нижнем Новгороде и Саратове главные запасы соли, до 7 000 000 пудов. Но главные проблемы решены не были — при росте населения возрастала и потребность в соли, а её добыча не увеличивалась. Всех запасов по государству имелось только 17 миллионов пудов, тогда как только годовая потребность исчислялась в 16 836 000 пудов, а полагалось иметь двухгодичный запас, то есть 34 миллиона пудов соли. Недостаток продукта стал ощущаться до такой степени, что в некоторых губерниях продажу из магазинов производили только мелкими партиями. Но самое главное — монополия начала приносить убыток. Если в 1783 году казна получила дохода в 1 000 000 рублей, то через десять лет, в 1792 году, только 22181 рубль. Следующий год стал убыточным в 40 000 рублей, а в 1802 году казна теряет 557 567 рублей⁴⁹. Для стимулирования промышленников в производстве соли увеличили для прикамских солеваров закупочную цену – 18 копеек (11,7 копеек серебром) с поставкой в Нижний Новгород⁵⁰. Со сменой государственного управления в 1802 году коллегии были заменены системой централизованного министерского управления. Всего было создано 8 министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, народного просвещения и юстиции.

Изменилось и управление соляной промышленностью. Заведование добычей и развозом соли было поручено министерству внутренних дел по Экспедиции Государственного Хозяйства, реализация и сбор денег, выроченных за соль, содержание складов и приставов возложили на министерство финансов, управление на местах поручалось губернаторам и казённым палатам. Затем была упразднена Главная Соляная Контора и её подведомственные учреждения, взамен учреждаются пять экспедиций соляных промыслов на местах добычи соли: в Саратове, Астрахани, Перекопе, на Илецкой защите, в Дедюхине и одна при запасных магази-

49 О соляном промысле в России (исторические сведения о законодательстве по соляной части). // «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год», – СПб., 1862. С. 93-95.

50 ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 143, л. 1-2.

нах в Нижнем Новгороде. Поняв, что создать двухгодичный запас соли для всей империи не получится, государство решило дифференцировать губернии по удалённости от мест добычи, от годового до двухгодичного объёма⁵¹.

Однако разделение руководства горным делом по двум министерствам внесло дезорганизацию и безответственность. Поэтому для управления горным делом, для руководства казёнными предприятиями и надзором за частными горнодобывающими и машиностроительными предприятиями в составе Министерства финансов в июне 1807 года образуется департамент горных и соляных дел⁵². И стимулируя производство правительство с 1812 года вновь вводит вольную продажу соли — её разрешают покупать в казённых складах и перепродавать. Также промышленникам объявили, что они могут по сдаче в казённое ведомство установленного количества соли продавать превышающие объёмы вольно, но с уплатой акциза – 40 копеек ассигнациями⁵³. В результате с 1812 года в Прикамье резко возрастает выварка соли, соликамским солеварам с этого времени из-за мизерных объёмов производства разрешают всю соль продавать вольно.

Другим важным для солепромышленников Прикамья событием стал указ правительства, вышедший в 1825 году, который напрямую затрагивал интересы владельцев Нового Усолья и Лёнвы. С 1826 года им был установлен жесткий объём поставляемой в казённые запасные магазины соли — не более 5 050 000 пудов в год. Если солепромышленники превышали установленное количество поставок, то их ждал штраф или уменьшение сдаваемой соли

51 О соляном промысле в России (исторические сведения о законодательстве по соляной части). // «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год», – СПб., 1862. С. 95.

52 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. – Л., 1984. С. 18.

53 ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 135, л. 9. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. – Пермь, 1904. С. 113.

на следующий год⁵⁴. Одновременно, хотя повышение закупочных цен и произошло два года назад, была уменьшена закупочная цена – 84 копейки ассигнациями (22,5 копеек серебром); тогда до этого она составляла 93 копейки ассигнациями (24,9 серебром) за пуд⁵⁵. Произошло это в связи с резким увеличением запасов продукта в государственных запасных магазинах с начала века. После установления выгодных цен на соль производители резко увеличивают поставки. Так, в завар 1824 года в Нижний Новгород с владческих промыслов поступило 6 877 356 пудов соли⁵⁶ — 25 лет назад, в начале века, в Новом Усолье и Лёнве вываривалось не более 4 154 000 пудов соли⁵⁷. В начале 50-х годов XIX века правительство делает важное заявление, что, начиная с 1854 года, контракты на поставку соли государству заключаться не будут. Фактически с 1854 года отменена вся государственная монополия на продажу соли. Отмена была связана с огромными накопившимися запасами — к 1851 году они составили 69 миллионов пудов⁵⁸. Поскольку государственная торговля солью приносила меньше дохода, чем взимание акциза с частной соли, 14 мая 1862 года был издан указ о ликвидации казённой соляной операции в европейской части России. По нему казна прекращала собственную соляную деятельность, то есть добычу, развоз и продажу соли. Все соляные источники (солеваренные промыслы, соляные озёра, места по добыче каменной соли) продавались или сдавались в аренду частным предпринимателям. Государство оставляло за собой только производство в Сибири и на Дальнем Востоке. По этому указу в 1863 году Дедюхинский солеваренный завод был отдан в аренду (до это-

54 ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 128, л. 101.

55 ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 144, л. 2.

56 ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 128, л. 90-91.

57 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ея состоянию, в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству сочинённое. – СПб., 1811, Ч. I. С. 268-270.

58 Чевлин, Озёрский. Обзор горнозаводской производительности России. // «Горный журнал», 1851, кн. IX, С. 404.

го он управлялся казной). Доход же казна должна была получать от акциза, размер которого был единым, в 30 копеек серебром с пуда⁵⁹ для всех способов добычи соли: самосадочной, выварочной и каменной. Доход от этого косвенного налога (косвенный — потому что им облагали не конкретное физическое или юридическое лицо, а сам продукт, фактически же потребителя) составлял огромные суммы. Например, за 1869 год он составил 7 323 300 рублей⁶⁰. Несмотря на то, что государственные финансы получали большие доходы от взимания акциза, высокая цена на соль, значительную часть которой составлял акциз, тормозила развитие промышленности, в первую очередь химической. Из-за большой стоимости ограничивалось потребление продукта в сельском хозяйстве и среди населения. Осознав негативные последствия акциза, правительство с 1880 года отменяет этот косвенный налог⁶¹. Результат не замедлил сказаться: в стране резко возрастает добыча соли, в Прикамье, в Березниках, И.И. Любимовым строится содовый завод. В то же время отмена акциза для соляных промыслов Прикамья сказалась негативно — стала ощущаться значительная конкуренция на традиционных рынках сбыта самосадочной и каменной соли в Прикамье и Верхнем Поволжье. Предприятия начали сокращать производство, надвигалась безработица. Соликамская уездная управа в докладе земскому собранию докладывала: «... производство до крайности сокращено и будущность этих заводов, как известно, находится в шатком положении, вследствие затруднений по сбыту соли на главных рынках России. При окончательном сокращении работ рабочие останутся в крайне жалком положении, принуждены будут разбредиться по разным местам, а своё имущество в селе Усолье и Лёнве... продать за бесценно».

59 Прибавление к статье «О соляном промысле в России». // «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год», – СПб., 1862. С. 344-346.

60 Здановский А.Б., Фёдорова Н.С. Организация отечественного соляного дела. – Л., 1984. С. 22.

61 Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. – Пермь, 1904. С. 113.

Бедственное положение встревожило верховную власть. В Новое Усолье, чтобы разобраться на месте, приезжает великий князь Михаил Николаевич. С докладом перед ним выступал управляющий княгини Абамелек-Лазаревой Новокрещёных. Результатом этой поездки стало снижение попенных денег (налога) за рубку дров на государственных землях на 50%. Но самое главное — была введена горная подать, дифференцированный налог на различные виды продукта; самосадочная (озерная) и каменная соль облагались более высоко, чем выварочная⁶², налогом. С конца 80-х годов XIX века положение начало выправляться и заметился рост выварки соли. В 1899 году было произведено 19 570 101 пудов соли⁶³. Правда, в начале XX века отмечался некоторый спад, но уже в 1912 году выварили максимальное количество соли за всю историю промыслов – 22 890 000 пудов⁶⁴.

К сожалению, информация о солеваренных промыслах начала XVIII века по Соли Камской ограничена. Некоторое, пусть приблизительное, представление о состоянии промыслов можно составить по сведениям Василия Берха. В 1711 году на посаде Соли Камской солеварением занимались три семьи: Суровцевы, Ростовщиковы и Ксенофонтовы. Так, Суровцевым вываривалось 271 378 пудов соли, Ростовщиковым – 143 334, Ксенофонтовым – 42 504. Балохонский посадский человек Афанасий Иванов Соколов, вываривавший соль на одной варнице, производство оставил: скорее всего, комиссионерская деятельность по подрядам казне не оставляла времени заниматься производством⁶⁵.

В 1711 году, по справке Поместного приказа, в Прикамье дей-

62 Положение солеваренного дела в Пермской губернии. // «Екатеринбургская неделя», Екатеринбург, 1890, № 5, 4 февраля, С. 96.

63 Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1899 году. – СПб., 1904. С. 391.

64 Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности к 1 января 1913 года (Особое приложение к смете Горного Департамента на 1914 год). – СПб., 1913. С. 110.

65 Берх В. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. – СПб. 1821. С. 15.

ствует всего 88 варниц. Если сравнить с 1707 годом (231 солеварня), мы видим сокращение производства более чем в два раза. У Ксенофонтовых, судя по объёмам вываренной соли, работала только одна варница, то есть промысел, не успев развиваться, начал хиреть. В 1729 году Камер-коллегия налагает оброк на соликамских солепромышленников: на Суровцева – 900, на Ростовщиковых – 600, а на Фёдора Ксенофонтова всего 84 рубля 10 копеек, что и подтверждает незначительность производства⁶⁶. В 40-е годы Ксенофонтовы уже значатся среди торговых людей. В ведомостях Соляной конторы по Соликамску в это время значатся четыре семьи солепромышленников: Федора Павловна Суровцева, семья Ростовщиковых и две новых фамилии — Турчаниновы и Демидовы. Федора Павловна вместе со своей сестрой Настасьей получает 8 варниц по наследству от своего отца, Павла Иванова. К этому времени Иван Большой перебрался в Москву, где занимается торговлей. В Соликамске остались Иван меньшей и Павел. Хотя о Павле практически нет никаких сведений, несомненно одно – он владеет варницами совместно со своим братом, иначе ни Федора, ни Настасья, его дочери, не получили бы солепромыслы в приданое. От отца сёстры получают по наследству 8 варниц, впоследствии Федора Павлова Суровцева расширяет промысел за счет 8 варниц, отданных племянникам А.Г. Суровцевой (вдовой Ивана Меньшого, дочерию нижегородского посадского человека Г.Д. Докунина). Оставшиеся у вдовы пять варниц после её смерти перешли к дяде И.Д. Докунину, который впоследствии, в 1741 году продал их дворянину Г.А. Демидову. Федора Павловна была замужем трижды, и все мужья брали фамилию супруги (в то время это было вполне заурядным явлением, особенно если супруга была из более богатой семьи). В 50-х годах поставку соли в казну продолжает третий муж Федоры – Максим Григорьев Суровцев, сумевший сохранить промысел в тяжёлые годы сокращения производства. Но эти трудные времена не прошли бесследно. Максим Григорьев, распорядившийся промыс-

66 Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010. С. 62.

лом после 1774 года, когда умерла Федора, ставит в казну в 80-х годах не более 50 000 пудов соли. Со смертью в 1786 году Максима (он приходился дядей по матери) варницы достались по наследству сыновьям Г. А. Демидова.

Унаследовав предпринимательские способности, Иван Александров Ростовщиков, сын Александра Иванова, с сыном Михаилом подражались сбывать монастырскую соль. Это им помогало успешно конкурировать с Суровцевыми в производстве соли, в 30-е годы они догоняют Суровцевых по объёмам выварки. Но Михаил оказался последним представителем мужского пола в роду. В 1757 году его имущество переходит по наследству жене и дочери Пелагее. Чуть позже Пелагея выходит замуж за Савву Васильева Мальгина, соликамского купца, который, женившись, взял фамилию жены – Ростовщиков. Предпринимателем Мальгин оказался неудачливый, наделал много долгов и не сумел их выплатить⁶⁷. В результате в 1766 году Главная Соляная контора издаёт указ Соликамскому городскому магистрату, в котором было предписано все имущество Саввы Васильева описать и продать с торгов, а варницы передать А. Ф. Турчанинову. Только в 1774 году, уже после смерти Мальгина, промысел возвращают его вдове с сыном. Сын Пелагеи, Сергей Ростовщиков, женился на купеческой дочери Настасье Ефимовне Сваловой. Занявшись вываркой соли, он быстро истратил свой капитал, результатом было прекращение действия солеварен и разорение, а как следствие, — переход в мещанское сословие⁶⁸.

В Соликамске в первые два десятилетия начинает выдвигаться представитель семьи Турчаниновых — Михаил Филиппов. По переписным книгам 1678/79 годов в соликамском дворе думного дьяка Аверкия Степановича Кирилова как купленный человек значится Филипп Трофимов турчанин. Впоследствии он перешел по наследству к сыну Кирилова дьяку Якову Аверкиевичу. Служил Филипп Трофи-

67 Харитонова Е.Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII веке. // Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края», – Соликамск, 1986. С. 92-93.

68 Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010. С. 63-65.

мов на соляном промысле, выполняя обязанности варничного приказчика. После продажи солепромыслов Кириловым А.В. Ростовщикову, Филипп Трофимов остаётся жить у Соли Камской, не преминув при этом прибрать к рукам движимое имущество и доходы с оборочных деревьев Соликамского уезда вдовы Якова Кирилова Ирины. В начале XVIII века Филипп Трофимов уже значится одним из самых богатых людей города, хотя своего двора и не имел и жил во дворе, принадлежащем А.В. Ростовщикову. Его младший сын, Михаил Филиппов, уже богатый соликамский солевар и владелец Троицкого медеплавильного завода⁶⁹. Немало способствовала упрощению положения женитьба Турчанинова — он стал зятем богатого семейства Ростовщиковых. В 1723 – 1724 годах после создания городских магистратов его избирают бургомистром в Соликамский магистрат, что дало возможности для расширения солеваренного и торгового дела. В 20-х годах Петр I, остро нуждавшийся в металлах, повелел соликамским купцам заводить металлургические заводы. Михайло Филиппов не кинулся сразу в незнакомое производство, а вначале занялся поставками медной руды на Пыскорский медеплавильный завод. Но дело оказалось не столь выгодным: оплачивали не поставленную руду, а выплавленную из неё медь. Поэтому он организует собственное производство на речке Талице близ Соликамска⁷⁰, землю ему выделил Воскресенский монастырь в обмен на строительство церкви Михаила Маленина (деревянная незадолго до этого сгорела). В 1729 году Михайлу Филиппову Турчанинову на четыре года передают сборы по Чердынскому уезду. Сборщиком Турчанинов оказался никудышным, образовалась крупная недоимка, а в результате заведено следствие. Его обвинили не в злоупотреблениях и взятках, а в нанесении ущерба казне. Для определения ущерба указом императрицы Анны Ивановны от 2 января 1732

69 Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке (к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности). – М., 1957. С. 205-206.

70 Сонин Л.М., Турчаниновы. // «Полевской край». Историко-краеведческий сборник, выпуск 1, – Екатеринбург, ИПП «Уральский рабочий», 1998. С. 121-122.

года учреждается комиссия во главе с генералом-майором А. Волыньским. Михаил Филиппов вызывается в Казань для расследования, где помещается в тюрьму. Уже 10 марта комиссия представляет в Санкт-Петербург ведомость с определённой недоимкой в 47 763 рубля. В июне Волыньский докладывает о правяще с Турчанинова упущенной казной суммы. Солепромышленник смог внести к сентябрю только 10 000 рублей, оставшуюся сумму обещал внести позже. Заключение, эмоциональное потрясение от длительного процесса, перспектива потерять капитал подкосили Михаила Филиппова, и по дороге в Соликамск он умирает⁷¹. Турчанинов не имел сыновей, но ему подвернулся мальчик, скорее всего, сирота, смыслённый и не дерзкий. Подросток оказался сметливым и обходительным, его-то и внесли в дворовые списки под именем Алексея Федорова Васильева. Повзрослевшего мальчика Турчанинов делает приказчиком, даёт ему важные поручения: поездки с обозами в Кяхту, торговля за Байкалом с монголами. У Алексея выявились природные купеческие способности: обходительность с людьми, твёрдость слова, проницательность и, что главное, способность точно улавливать конъюнктуру рынка, угадывать выгоду. После смерти своего благодетеля (Алексею уже около двадцати лет) ему пришлось взять на себя все заботы по ведению немалого хозяйства благодетеля. А вскоре состоялась свадьба молодого приказчика и единственной наследницы турчаниновских богатств Федосьи. Из уважения к мечте своего благодетеля молодой супруг принимает фамилию своей жены и становится Алексеем Турчаниновым. Он стал самым известным представителем этой фамилии. Примером человеческих качеств Турчанинова может служить его дружба с Григорием Акинфиевичем Демидовым. Появилась необходимость у Турчанинова в земле, и он договаривается с Демидовым об аренде участка. Впоследствии здесь были открыты богатые медные руды, позволившие Алексею Фёдорову не только расширить медеплавильное производство, но и открыть фабрику по выделке медной посуды. Он организовал не про-

сто производство меди, а выпуск уникальных вещей. При отменном литье форма и узор изделий создавались по рисункам лучших отечественных и зарубежных модельеров. О продукции Троицкой фабрики заговорили и в столицах, даже сама императрица Елизавета Петровна весьма благосклонно приняла преподнесенные ей вещи с фабрики. За доставленное удовольствие она пожаловала Алексея Фёдоровича Турчанинова 30 марта 1753 года чином титулярного советника. Чин давал ему право на личное дворянство и право именоваться на «-вич», то есть с полным отчеством. Тогда же у него в Санкт-Петербурге появляется покровитель, обеспечивший благоприятное решение в деле о взятии в аренду казённого Сысертского горного округа с правом последующего выкупа в полную собственность. При этом Алексей Федорович обошел самих Строгановых, претендовавших на этот же округ. Переселив мастеровых в Полевской и Сысерть, он смог возродить остановленные было медеплавильные и железодельные заводы⁷².

Алексей Турчанинов был весьма деятельной личностью, что обнаружилось и во время восстания Пугачева. Он единственный из уральских заводчиков не испугался, не сбежал в более спокойные места. Организовав оборону Сысерти и Полевского, он бросается оборонять Соликамск. Его незаурядные способности проявились и здесь. В Красном селе, лежащем на Закамском тракте из Перми в Соликамск и Чердынь, Турчанинов приказал «окольные пути завалить лесом и проезды совсем пресечь». На большой дороге в селе он сделал «рогатки» и выставил «предосторожный караул». Крестьянам он предписал сделать достаточное количество «копей с ратовицами» и раздал другим жителям, чтобы при нападении могли «навсегда к защите быть готовыми». Своим людям приказал быть в готовности, вооружив их «немалым числом огнестрельными и самоисправными ружьями и порохом с принадлежностями». Смогли ли бы соликамцы защититься от восставших, неясно, но Сы-

72 Сонин Л.М. Турчаниновы. // «Полевской край». Историко-краеведческий сборник, выпуск 1, – Екатеринбург, ИПП «Уральский рабочий», 1998. С. 121-124.

сертский горный округ восставшие захватить не смогли — их оставили на подступах к заводам. Оборонная деятельность Турчанинова не осталась незамеченной, хотя награды пришлось ждать несколько лет. В 1783 году в Сенат поступает указ от Екатерины Великой, а ещё через год Алексей Фёдорович получает диплом за «похвальная и благородная поступки особливо же в 1773-м и 1774-м годах учинённых», становится потомственным дворянством и награждается дворянским гербом⁷³.

Алексей Фёдорович с первой женой, Федосьей, прожил недолго, сказалась её плохое здоровье. Вторая супруга была из его крепостных (этот сюжет описал Павел Бажов в сказе «Малахитовая шкатулка»). Молодые, Алексей и Фелициата, любили друг друга и жили долго и счастливо, всего у них было восемь детей. Интересно, что один из сыновей Турчанинова, Александр, также выбрал себе жену из крепостных, правда в этом случае долгого счастья не получилось: супруга Александра Алексеевича заболела и через некоторое время умерла. Александр Турчанинов больше в брак не вступал⁷⁴.

В первое десятилетие после смерти тестя Алексей Турчанинов расплачивался с долгами и восстанавливал запущенное хозяйство, подъём которого начался только в 40-е годы. В эти годы его промысел уже занимает первое место среди соликамских промышленников, из 11 варниц не работало только 4. В период упадка производства соли в 60-х годах его прошение об оказании помощи за понесённые убытки удовлетворили. Со второй половины 60-х годов XVIII века Алексей Фёдорович начинает сосредотачивать в своих руках солеваренные хозяйства города Соликамска. Он приобретает промыслы Ростовщиконых и часть промыслов Суровцевых, строит пильную мельницу, что облегчило постройку судов для соляных караванов. Также он решает возобновить демидовскую часть промыслов. В конце XVIII века в его ведении большинство варниц города. Умер

73 Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010. С. 84-87.

74 Сведения предоставлены сотрудником Соликамского краеведческого музея Савенковой Нелли Михайловной.

Алексей Фёдорович 21 марта 1787 года. Дело пытался продолжить один из сыновей – Алексей, который поддерживал работоспособность промыслов до конца века. Но на рубеже XVIII – XIX веков дети Алексея Фёдоровича Турчанинова (у него было три сына и пять дочерей) начинают делить наследство, что не могло не сказаться на ведении хозяйства. Если к 1796 году на турчаниновских варницах производилось 597 тысяч пудов соли, то несколькими годами позже в работе находятся только три варницы⁷⁵, причем одна из них была только недавно построена⁷⁶. Это фактически было начало конца солепромыслового хозяйства Алексея Фёдоровича Турчанинова, положившего на его развитие много энергии, сил и способностей.

Соликамские рассолы привлекли внимание вошедшего в силу Акинфия Никитича Демидова. В 20-х годах он решает заняться солеварением, для чего покупает у купцов Филатьевых их стоящие без действия варницы. Промысел был приращен после женитьбы Григория Демидова, среднего сына Акинфия — приданым за Настасьей Павловной Суровцевой была половина варниц, которые она получила по наследству от своего отца. Другие пять варниц, также бывших в свое время суровцевскими, в 1741 году Григорий Акинфиевич приобретает у И.Д. Докунина⁷⁷. Однако производство соли у Григория не пошло. Сразу после приезда с молодой женой в 1731 году в Соликамск Григорий Акинфиевич начинает разбивать ботанический сад. Отец посылал его организовывать работу железодельных и солеваренных предприятий, но сына больше интересовали растения, а не железо и соль. Осерчав на своего отпрыска, Акинфий выделяет ему на содержание небольшую сумму.

75 Харитонов Е.Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII веке. // Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края». – Соликамск, 1986. С. 94.

76 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, к многочисленным рудных заводов, промышленности и домоводству сочинённое. – СПб., 1811. С. 272.

77 Харитонов Е.Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII веке. // Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края». – Соликамск, 1986. С. 92.

71 Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010. С. 69-70.

Григорий, который был прирождённым ботаником, создал сад, уникальность которого отмечали многие современники. Знаменитый русский путешественник И. И. Лепехин оставил описание этого сада и насчитал в нём 524 вида растений⁷⁸. Григорий был близким другом и финансистом Карла Линнея — лично они не встречались, но весьма активно переписывались. Демидов даже отправил на обучение к нему своих сыновей, которые вернулись из Швеции только после смерти отца и уже с совершенно другими интересами. В трудные для солеварения времена середины XVIII века промыслы приходят в упадок. В 1745 году, когда действовала только одна треть промысла, Демидов «варить соль отрёкся», за «несостоянием» и из-за слабости рассолов. Официально его освобождают от поставки соли в казну в 1755 году. После неудачной попытки передать солепромысел в казну сыновья Григория Акинфиевича в 1772 году продают варницы вместе с селом Красным Турчанинову, а оставшиеся три солеварни позже продают купцу Рукавишникову, у которого они будут действовать всего 6 лет⁷⁹.

Если рассмотреть солеваренную промышленность Прикамья в целом за XVIII век, то, как уже отмечалось, решающее влияние на производство оказала государственная монополия на продажу соли. Получая большую прибыль, казна одновременно ставила солепромышленников в весьма стесненные условия. Низкие цены на поставку соли ограничивали оборотные средства солепромышленников и минимизировали их прибыль, и это вело к разорению мелких собственников. В Соликамске в XVIII веке отходят от производства соли семьи, имевшие вес в XVII веке, появляются новые солевары, но и их деятельность не была долгой. На благополучие солеваренных хозяйств влияла не только государственная политика, сказались и другие факторы: пресекаются мужские линии Суровцевых и Ростовщиковых, что приводит к упадку их промыслов и продаже

78 Баньковский Л.В. Сад XVIII века. – Соликамск, 2004. С. 41.

79 Харитонов Е.Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII веке.

// Материалы научно-практической конференции «Соль и освоение края». – Соликамск, 1986. С. 93.

другим лицам; крупные пожары 40-х годов в Соликамске приводят к оттоку части населения в другие города — создаётся дефицит рабочей силы на промыслах. Появившиеся крупные хозяйства Демидова и Турчанинова оказались недолговременными. У первого не было предпринимательской жилки, а хозяйство второго было разорено в конце 18- нач.19 веков несогласием между наследниками. В результате во втором десятилетии 18 века в Соликамске солеварение было прекращено, в город поставляется соль из других солеваренных центров Прикамья. В конце XVIII века по Соликамску варницы распределялись следующим образом: наследники Турчанинова – 19, Руковишников – 4, Пелагея Ростовщикова – 6⁸⁰, действовало же только три солеварни наследников Турчанинова.

1.3 Производство соли в Соликамске в XIX – начале XX века

Как пишет Попов, на начало XIX века в Соликамске действовало три варницы у Турчаниновых⁸¹. Но, если у автора «Хозяйственного описания ...» данные по действующему производству полные, то сколько же всего сооружений, относящихся к соляным промыслам в городе Соликамске, он представлять не даёт. На этот вопрос могут ответить документы Соликамской городской думы. Так, в 1799 году в Соликамске тогда располагалось⁸².

Сооружения	Наследники Турчанинова	Рукавишников	вдова Ростовщикова	Всего
Варницы	19	4	6	29
Рассолоподъёмные трубы	13	7	7	27
Соляные лари	-	1	-	1
Коноводные машины	2	1	-	3
Соляные амбары	14	-	9	23
Лесопильные мельницы	1	-	-	1

80 СКМ, ф. 28, оп. 1. Л. – 43 (об).

81 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданственно-му и естественному ее состоянию, в отношении к земледелию, многочисленным рудным запасам, промышленности и домоводству сочинённое. – СПб., 1811, Ч. I. С. 271.

82 СКМ, ф. 28, д. 6, Л. – 43(об).

Как видим, несмотря на то, что в Соликамске в начале XIX века было достаточно много варниц (в основном они бездействовали), выварка производилась только на трёх турчаниновских, при этом одна из них была построена совсем недавно⁸³. Обращает на себя внимание то, что упоминается всего один соляной ларь. Казалось бы, их должно иметься гораздо больше. Объяснение можно найти в том же описании Пермской губернии: «Подле одной стены варницы пристраивается на особливых режах из брусков или толстого ломового леса ларь, в которой ... проводится из труб желобьями соляной разсол и в нём содержится для употребления»⁸⁴. То есть на рубеже веков наблюдался процесс перехода от пристроенных к варницам соляных ларей в отдельные сооружения. Именно в начале XIX века окончательно сформировался комплекс промысловых сооружений по добыче соли. В последующее время модернизировались, изменялись только сами эти сооружения.

Кризис соликамских промыслов первого десятилетия XIX века углубился во втором до такой степени, что выварка соли прекратилась совсем. На 1812 год у наследников Турчанинова, действуют только две варницы, причиной были споры между детьми Алексея Федоровича Турчанинова за наследство. Берх, будучи в Соликамске, отмечает: «Кончина известного Алексея Федоровича Турчанинова и раздробление имения на многия части, причиною упадка упомянутых заведений». Некоторое время спустя солеварение в Соликамске вообще прекращается. Но уже в 1818 году была пущена в действие варница уездного судьи титулярного советника Ивана Ивановича Дубровина. На ней за год было выварено 14 491 пуд соли⁸⁵. Собственно промыслами занималась супруга И.И. Дубровина – Любовь Васильевна В 1817 году Дубровина и наследни-

83 СКМ, ф. 28, д. 6, Л. – 43.

84 Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, к многочисленным рудным запасам, промышленности и домоводству сочинённое. СПб., 1811, С. 261.

85 Берх В. Путешествия в города Чердынь и Соликамск, для изыскания исторических древностей, СПб., 1821, С. 5-6.

ки Фарофоновых (мужа — обер-бергмейстера⁸⁶ и его жены Александры Львовской, урожденной Черкасской), покупают у Ростовщикова Сергея и его жены Анастасии соляные промыслы⁸⁷. Несколько позже, 7 февраля 1821 года, Соликамское городское общество передает в аренду «лежащие в пустее», бывшие до этого у надворного советника Рукавишниковой варницы купчихе Лапиной-Ентальцевой. Указом от 1 февраля 1824 года пришло на дозволение производить выварку соли. С этого времени Лапина-Ентальцева со своим зятем и компаньоном, губернским секретарём Егором Васильевичем Плотниковым, начинают строительство промыслов⁸⁸. Новые владельцы, взявшись за восстановление промыслов вложив значительный капитал, они расчищают рассолоподъёмные трубы и строят две варницы⁸⁹. При этом Лапина-Ентальцева с зятем платит с каждого вываренного пуда соли 0,5 копейки первые двенадцать лет, в последующее же время по 1 копейке, что составляло в льготный период — оброк 1191 рубль 10 копеек. Тогда как Дубровина и наследники Фарофоновых выплачивали городу только 600 рублей, несмотря на то, что их производство было крупнее. Такое обложение, назначенное ещё в начале XVIII века, было гораздо меньше (почти в два раза), чем у Лапиной-Ентальцевой и Плотникова. Отметим ещё одно преимущество Дубровина и наследников Фарофоновой: первые три года после пуска солепромыслов они не платили акциза с проданной соли⁹⁰, который в то время составлял 60 копеек ассигнациями. Если Дубровина и наследники Фарофоновой на своём предприятии вываривали соль достаточно долгое время, то вот у тёщи и зятя совместное производство не заладилось. Уже в 1826 году Плотников в одиночку занимается вываркой соли на своём участке, бывшем промысле Рукавишниковой⁹¹.

86 Петухов Д. Горный город Дедюхин и околные местности. – СПб., 1864, С. 24.

87 СКМ, ф. 28, д. 48, Л. – 24.

88 СКМ, ф. 28, д. 48, Л. – 25(об).

89 Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 111.

90 СКМ, ф. 28, д. 48, Л. – 58(об).

91 СКМ, ф. 28, д. 60, Л. – 59.

Именно в этом году, при проходке новой рассолоподъёмной трубы, Плотников, впервые в Прикамье, открывает каменную соль⁹². На следующий год Лапина-Ентальцева начинает производство, но уже отдельно от Плотникова, ходит и на том же участке⁹³. Впоследствии промысел теши и зятя переходит к чердынским купцам Уднику Николаю Радионову и Юрганову Егору Тимофееву, сведения о которых появляются в документах городской думы от 1835 года. Они платят подать по 150 рублей за свидетельство купцов 3-й гильдии с объявленного капитала 8000 рублей⁹⁴. Варницами чердынцы владели около двадцати лет, до начала 60-х годов XIX века.

Дело же Дубровиной и наследников Фарафоновых, если не процветало, то развивалось. Их промыслы работали постоянно и не переходили из рук в руки. Но существование хозяев варниц было не таким уж безоблачным. На протяжении многих десятилетий они вели судебные тяжбы с городским обществом по поводу сборов, в конечном счете выигранных городском обществом⁹⁵. Более длительным и, видимо, более дорогостоящим было судебное дело за право владения островами на реке Кама, напротив Григоровской курьи и села Григорового с крестьянами Григоровской волости. Тяжба длилась с 1824 по 1875 год⁹⁶. По окончании тяжбы острова у Григоровской курьи признают владением А.И. Дубровина.

В 1829 году Дубровина и наследники Фарафоновых попытались на Варничном острове возродить бывшее когда-то там солеварение. Они начали разработку рассолоподъёмной трубы. Но вскоре строительство из-за тяжбы с григоровскими крестьянами и владельцами Нового Усоляя прекратилось. Любовь Васильевна

Дубровина была достаточно упорной и деятельной женщиной, она не бросила затею с постройкой солеваренного завода на Варничном острове. Упорство было вознаграждено, и, как отмечает в своём письме соляное отделение Пермской Казённой Палаты, в конце 40-х начале 50-х годов варницы уже значатся действующими⁹⁷.

В 50-х годах XIX века Троицким солеваренным в Соликамске и Островным (Рождественским) заводами входит в наследство сын Любови Васильевны Дубровиной – отставной штабс-ротмистр Дубровин А.И.⁹⁸, который до принятия наследства служил в Москве и, дослужившись до командира эскадрона, подаёт в отставку⁹⁹. Фарафоновы в это время владельцами уже не значатся.

Александр Иванович Дубровин был незаурядной личностью, сведущим в науках и деятельным предпринимателем. Так, при испытании рассолов в 50-х гг. XIX века использовали ареометр (расоломер) его конструкции¹⁰⁰. Этот факт говорит о том, что владелец Троицкого солеваренного промысла – Дубровин получил образование и был сведущ в горных науках. Для Соликамска середины XIX века это была выдающаяся личность. О его разносторонних интересах говорит и тот факт, что во второй половине XIX века у него на Варничном острове действовал стекольный заводик. Тогда же он пытался организовать на острове содовое производство по методу Леблана, для чего он пытался организовать поставки необходимого для этого серного колчедана с Богословского горного округа. Затея не увенчалась успехом, иначе в Прикамье содовый завод появился бы на несколько десятилетий раньше, чем Березниковский содовый завод И.И. Любимова.

Полностью за все годы первой половины XIX века предоставить сведения об объёмах выварки соли в Соликамске не представляется возможным; есть статистические данные только за 50-е

годы, указанные у Мозеля. Такая статистика не представлена в отчетах, вероятно, вследствие своей незначительности по сравнению с производством на других промыслах Прикамья. На это указывает Положение, выданное Пермской Гражданской палатой, о разрешении Дубровиной и наследникам Фарафоновых на выварку соли – «вываренную на оных промыслах соль, как для казны не нужную, обращать в продажу»¹⁰¹. Необходимо также отметить, что производство соли в Соликамске было весьма нестабильным, сокращение выварки бывало более чем на 50%. За предреформенное десятилетие в Соликамске выварено всего 2221692 пуда соли, по годам производство соли распределяется следующим образом:

Год	1851	1852	1853	1854	1855
Пуд	318 000	314 127	337 640	167 968	203 149
Год	1856	1857	1858	1859	1860
Пуд	234 000	201 089	151 795	119 203	164 421

В это время в Соликамске действовало 6 варниц¹⁰².

Как отмечает Фёдор Панаев в кратком географическом и физическом описании Соликамска, в 1882 году в городе действуют солеваренные заводы «умершего штаб-ротмистра А. Дубровина и купца Рязанцева». Наследниками Александра Ивановича Дубровина стали его жена, Юлия Ивановна, и дочь, Вера Александровна¹⁰³. В 1885 году у наследниц два солеваренных предприятия: Троицкий-Соликамский и Рождественский – на Варничном острове, отуженном от григоровских крестьян¹⁰⁴. Вера Александровна Садовская единственной владелицей промыслов стала в 1895 году¹⁰⁵. Садовской она стала, приняв фамилию мужа, выйдя замуж за управляющего своих промыслов.

¹⁰¹ Шишонко В.Н. Указ. соч., С. 614.

¹⁰² Мозель Ж. Указ. соч., С. 336-338.

¹⁰³ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 128; 132.

¹⁰⁴ Горнозаводская производительность России в 1885 году. – /сост. Кулибин, – СПб., 1888; часть II, С. 124-125.

¹⁰⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1895 год. – СПб., 1898, С. 344-345.

В 1897 году соликамские варницы уже у Лаврова И.П., а островные покупает Г.М. Касаткин¹⁰⁶. В начале 90-х годов управляющим солепромыслами наследников А.И. Дубровина стал К.А. Садовский, управителем – купец А.В. Чернов, известный соликамский краевед. Хотя Дубровины – Садовские оставили заметный след в истории Соликамска, но подлинный расцвет солепромышленности города связан с другой семьёй – Рязанцевыми.

«По исполнению комиссиию этого поручения сделано было представление в Государственный Совет, мнение коего, высочайше утверждённым 14 мая 1862 года, постановлено:… казна, прекращая собственную соляную операцию, то есть добычу, развоз и продажу, передаёт соляные источники в частные руки или посредством продажи, или в оброчное содержание …»¹⁰⁷. На основании этого указа казённые Дедюхинские соляные промыслы сдаются в аренду группе купцов в составе пермского купца I гильдии И. И. Любимова и соликамских – Рязанцева, Касаткина и Мичурина¹⁰⁸. Так, среди солепромышленников появляются семьи Рязанцевых и Касаткиных. Это было началом становления купеческого капитала в соледобывающей промышленности Прикамья XIX века. Совместная деятельность объясняется тем, что их силы были ещё слабы для заведения собственного дела.

Наиболее удачливым из рязанцевых оказался — Александр Васильевич. В 1851 году он и его брат Степан получают наследство от умершего бездетным дяди – Егора Александровича. Если до этого братья числились в городе мещанами, то с получением капитала записываются в купечество. Занимаясь винными откупам Александр Васильевич подкупил денег и решает обратить внима-

¹⁰⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 год. – СПб., 1900, С. 364-365.

¹⁰⁷ О соляном промысле в России. // «Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год», – СПб., 1862, С. 344.

¹⁰⁸ Сапоговская Л.В. Изменение социального состава солепромышленников Прикамья в 1861-1917 годах. // Научно-практическая конференция «Проблемы и тенденции развития верхнекамского региона», – Березники, 1992, С. 29-30.

⁹² Глушков И.Н. О необходимости исследования пермских отложений каменной соли проведением новых или углублением старых существующих скважин. // «Уральский техник», 1911, № 4-5; Екатеринбург, 1911, С. 24.

⁹³ СКМ, ф. 28, д. 60, л. – 59.

⁹⁴ СКМ, ф. 28, д. 73, л. – 131(об).

⁹⁵ СКМ, ф. 28, д. 48, л. – 24-27(об); л. – 41-52(об).

⁹⁶ Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 годы. – Пермь, Период III с 1645 по 1676 годы, 1884, С. 595; 631.

⁹⁷ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 112-113.

⁹⁸ Мозель Ж. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. – СПб., Часть II, 1864, С. 335.

⁹⁹ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 118-119.

¹⁰⁰ ГАПО, ф. 672, д. 188, л. – 1.

ние на исконный промысел Соликамска – солеварение. Он строит солеваренный завод в селе Усть-Боровом, арендовав у местного общества землю, который в 1882 уже дал первую продукцию¹⁰⁹. Впоследствии предприятие переходит к старшему сыну Василию, разделившему предприятие в 1896 году на два участка. Василий оставил за собой 7 варниц, а 3 были переданы сыну Георгию¹¹⁰, участки так и назывались Васильевский и Георгиевский. Василию Алексеевичу в 1910 году наследовал сын Иван, он же, после смерти брата Григория, становится в 1914 году единоличным владельцем промысла в Усть-Боровой, а затем и хозяином Соликамского Троицкого сользавода, в 1902 году простаивавшего. С 1903 года Иван Васильевич Рязанцев — крупнейший солевар Соли Камской¹¹¹.

Последовал примеру отца, организовал промышленное предприятие и младший сын Иван. Он арендует у городского общества Георгиевский промысел, набираясь опыта в эксплуатации. А в 1890 году начинает строительство нового солеваренного завода в устье реки Усолки, который так и стали называть Усть-Усольским, но было и другое наименование. У Ивана Александровича в 1887 году родился сын, получивший имя по святому Пантелеймону Целителю, и в честь сына Иван Рязанцев называет своё детище Пантелеймоновский промысел¹¹². Новый промысел заработал уже в 1890 году, тогда выварили соли 33 120 пудов¹¹³, на следующий год производительность возросла – получили 147 910 пудов¹¹⁴. Так как управлением Пантелеймоновского солеваренного завода Иван Алексе-

евич занимался сам, то оставляет Григоровский промысел, и в 1893 году арендатором там уже значится Измаил Петрович Лавров.

Несколько меньший, но также значительный вклад в развитие добычи соли, вносила фамилия Касаткиных. Начав с аренды, совместно с другими купцами Дедюхинских промыслов, Григорий Максимович Касаткин становится владельцем Рождественского солеваренного завода на Варничном острове. Одновременно он является арендатором второго участка казённого сользавода в Дедюхи-не (первый участок арендовал в 90-х годах И. И. Любимов). Но в конце первого срока аренды в 1901 году случилось сильное наводнение, почти полностью разрушившее промысел. Восстановление завода потребовало бы гораздо больших сумм, чем отданный залог в казну – 52 тысячи рублей, и арендаторы почтили за благо оставить государству средства, но не восстанавливать промысел¹¹⁵. Впрочем, к этому времени у Григория Максимовича основные заботы сосредотачивались на Варничном острове, где ему, несомненно, помогал в управлении Рождественским заводом сын Николай, до этого участвовавший в управлении Дедюхинского промысла.

Семьи крупнейших солеваров Соликамска были в родстве: Николай Григорьевич женился на дочери Василия Александровича Рязанцева. Вскоре у них появляется сын Сергей, ставший в 1916 году владельцем завода¹¹⁶.

Печальной оказалась история Израиля Петровича Лаврова. В 1893 году он значился арендатором Григоровского сользавода, принадлежавшего соликамскому городскому обществу¹¹⁷. Когда четыре года спустя В.И. Садовская решает отойти от солеваренного дела, арендовать Троицкий промысел подражатели Израиль Петрович. Но арендованные предприятия не принесли ему достатка. В период кризиса промышленности начала XX века снизилась цена продукта: если в 1897 году Лавров продавал пуд соли

¹¹⁵ Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. – СПб., 1909, С. 182-183.

¹¹⁶ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 121-166.

¹¹⁷ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1893 год. – СПб., 1893, С. 312-313.

за 12 копеек¹¹⁸, то в 1902 году на копейку меньше¹¹⁹; повлияли и другие причины. Как результат, банкротство промышленника. Но город не мог оставить солеваренный промысел без действия, на разрушение. Соликамская общественность считала, если есть варницы, то они должны давать продукт, который являлся визитной карточкой города и принёс ему славу ещё два столетия назад. Из-за отсутствия арендаторов, городские власти решили пустить завод своим коштом, и в 1910 году промысел дал 80 260 пудов соли¹²⁰. Под управлением города завод приносил одни убытки, и осенью 1914 года решено остановить действие промысла¹²¹.

Начало XX столетия охарактеризовалось для соликамской промышленности активизацией рабочего движения. На промыслах среди рабочих приобрели значительное влияние большевики. В феврале-марте 1906 года в Усть-Боровой начали готовить забастовку, полностью тайну сохранить не удалось. Узнав о забастовке, хозяин прекратил работу промысла, начал спаивать рабочих, а части рабочих раздал подарки. Рабочие всё же предъявили заранее выработанные требования. Вызов исправника и полицейских не возымел действия и владелец завода частично удовлетворил требования. Но повысить зарплату и сократить рабочий день отказался. Забастовка соленосов оказалась более результативной – частично повысили зарплату. Волнения рабочих продолжались и в последующее время. В 1912 году на промыслах Рязанцева бастовало 545 человек¹²².

Но утверждать, что владельцы промыслов были мироедами, думали только об обогащении, нельзя. Сейчас бы сказали, что

¹¹⁸ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 год. – СПб., 1899, С. 364-365.

¹¹⁹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1902 год. – СПб., 1905, С. 489.

¹²⁰ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1910 год. – СПб., 1913, С. 431.

¹²¹ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 171-173.

¹²² Рябухин Е.И. Большеви́стские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упорочение её связей с массами. 1907 – 1914 гг. (часть III, «Период нового революционного подъёма. 1910 – 1914 гг.»). – Саратов, 1974, С. 310.

они проводили социально ответственную политику. Об обязанностях, которую возлагали на себя солепромышленники, можно было бы писать много, приведем только некоторые из них. Так, Григорий Максимович Касаткин на Варничном острове построил Народный дом, где был театральный кружок, на спектакли которого приезжали даже из Соликамска. При заводе содержался родильный покой, имелась школа. Сыновья Александра Васильевича Рязанцева по его наказу открывают Иоано-Предтеченский женский монастырь при одноимённой церкви в Красном селе¹²³.

Если рассматривать солеваренную промышленность Соликамска за XIX – начало XX века, то можно увидеть следующее: первая половина девятнадцатого столетия характеризуется кризисом, выварка соли в одно время даже совсем прекратилась. Тогда же появляются новые предприниматели – Дубровины, Фарафонтофы, Лапина-Ентальцева с Плотниковым, представители чердынского купечества. Но производство ими соли было небольшим. Подъём произошёл только в последней четверти столетия с появлением новых промышленников: Рязанцевых и Касаткиных. Они, опробовав свои силы на аренде дедюхинских промыслов, начинают активно развивать свою деятельность в Соликамске. Причем осторожность и традиционность технологических сооружений ими приветствуется, хотя и они не были чужды новейшим достижениям. Характерный пример здесь Усть-Боровской солеваренный завод. Когда его начали возводить, то первоначально построили черные варницы и только в последнем десятилетии их перестраивают на белые (баварские)¹²⁴, отметим только, что техническое перевооружение происходило гораздо более интенсивно, чем у владельцев Нового Усоляя и Лёнвы. На Троицком сользаводе в 1905 году устанавливают электростанцию, снабжавшую электричеством

¹²³ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 143-144.

¹²⁴ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1886 год. – СПб., 1888, С. – 297. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1901 год. – СПб., 1903, С. 449.

не только промысел, но и городские здания¹²⁵. Расширение производства, его интенсификация позволили городу вернуть себе славу крупного производителя соли в стране.

Значительная концентрация производства и рабочих обусловило значительное революционное движение в начале XX века. В Усть-Боровой была крупнейшая большевистская организация в уезде, деятельность которой вылилась в забастовки рабочих, отстаивающих свои интересы перед владельцами. Впрочем, и предприниматели вели социально ответственную политику, выступая учредителями и почитателями различных благотворительных и общественных организаций. Такая политика хозяев промыслов впоследствии отразилась на уважительном отношении к ним рабочих. Например, в 1918 году рабочие взяли на поруки Рязанцева.

Именно благодаря возрождению солевых промыслов, город Соликамск стал в конце XIX – начале XX века крупным промышленным центром не только уезда и губернии, но и России в целом.

Таблица, показывающая в наиболее производство соли в Соликамске:

Промыслы	1890		1899		1911	
	вар-ницы	пуды	вар-ницы	пуды	вар-ницы	пуды
Рождественский Н.Г. Касаткина	3	715.430	4	982.475	8	1.515.515
Усть-Боровской Г.В. Рязанцева			3	551.838	5	984.350
Усть-Боровской И.В. Рязанцева	9	1.587.153	7	1.363.053	7	1.442.701
Пантелеймоновский И.А. Рязанцева	4	33.120	8	1.454.766	10	1.590.785
Троицкий И.В. Рязанцева	3	453.250	3	170.604	5	749.310

Производство соли в Соликамске после 1917 года

29 января 1918 года в Соликамске устанавливается новая революционная власть. На день раньше, 27 января в Усолье от-

¹²⁵ Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917-1919 годах. – Соликамск, 1995, С. 6.

крывается уездный съезд Советов. После захвата власти большевиками в Соликамске на уездный съезд Советов отправляют арестованных председателя уездного земства Антипина и других должностных лиц с отчетом. Отчет оказался неутешительным, наличных денег в кассе 45 рублей и многомесячная задолженность по зарплате, как сейчас бы сказали, «бюджетникам». На съезде принимается решение ликвидировать земскую управу и городскую думу и передать их функции Исполкому и городскому Совету. Тогда же принимается решение перенести центр уезда в Усолье, придав селу статус города¹²⁶.

Одним из важных направлений деятельности новых органов власти стала национализация промышленности. Но для национализации полномочий уездного Совета не хватало, требовалась санкция властей Уральского региона. Её получили 2 мая 1918 года¹²⁷. Важную роль в оперативном управлении национализированными солевыми промыслами играли так называемые Деловые Советы. Первых выбирали трудовые коллективы, а вторые избирались на собраниях служащих. Затем членов Деловых Советов утверждали рабочими организациями – фабричными комитетами и профсоюзам. Одной из причин национализации, а скорее поводом, был отказ владельцев сользаводов сотрудничать с Деловыми Советами. Не признавали Деловой Совет ни владелец Усть-Боровского сользавода, ни Касаткин¹²⁸. Обострившиеся финансовый кризис заставил руководителей Усольского уезда избрать тактику наложения контрибуций и чрезвычайных налогов на купцов и предпринимателей. Но так как промышленники не торопились уплачивать чрезвычайные налоги и контрибуции, то началась новая компания. Начали брать заложников. До начала лета в заключение оказались И.В. Рязанцев и П.И. Рязанцев и другие соликамские купцы. В такой си-

¹²⁶ Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах. – Соликамск, 1995, С. 36-43.

¹²⁷ Бакулин В.И. Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах. – Соликамск, 1995, С. 48.

¹²⁸ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 187-188.

туации солепромышленники решили покинуть Соликамск. Нужно заметить жители города неодобрительно относились к арестам, конфискации и контрибуциям; а в Соликамске реквизируются даже купеческие дома. Об отношении рабочих к своим хозяевам говорит любопытный факт – исполком соглашался освободить взятого в заложники в начале июля 1918 года И. В. Рязанцева при условии уплаты наложенной на него контрибуции, подписке о невыезде и взятия на поруки рабочими Усть-Боровского солеваренного завода¹²⁹. Через год с эвакуацией белых из Соликамска Рязанцевы навсегда покидают родной город. Судьба же владельца Рождественского промысла оказалась куда более трагичной. Сергей Николаевич Касаткин, опасаясь за свою жизнь, скрывался в землянке в районе деревни Мошево. Но был обнаружен чекистами и убит. Рабочие завода привезли тело Касаткина на завод и похоронили его в Соликамске у церкви, там же где захоронен и его дед — Григорий Максимович¹³⁰.

В декабре 1918 года в Соликамск без боя вошли войска Колчака. Но власть белых в Прикамье была недолгой, уже летом следующего года Прикамье освобождается от войск белых, а 5 июля 1919 года последний обоз колчаковцев покидает Соль Камскую. Вместе с войсками отправились в дальнюю дорогу и около 150 семейств соликамцев, с ними ушли и Рязанцевы. Безвластие продолжалось около недели. А в Соликамский (с 19 июля вновь Усольский уезд) возвращаются кадры революционной власти. Сразу начинает функционировать военно-революционный комитет, во главе которого стоял В. Мичурин. Ревком занимался не только преследованием противников власти, но и организационными и хозяйственными вопросами. В частности, проблемой образовательных кадров, так как значительная часть учителей ушла с обозами белых¹³¹.

¹²⁹ Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах. – Соликамск, 1995, С. 62.

¹³⁰ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 188-189.

¹³¹ Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917 – 1919 годах. – Соликамск, 1995, С. 89-90.

Впрочем, отметим, что во время перехода из рук в руки города промыслы почти не пострадали. Разве, что белогвардейцы мобилизовали одну лошадь с Рождественского завода, хотели забрать всех, но, узнав про это, старший конюшенный собрал ребят подростков, и отправил их с лошадьми подальше — в луга. Лошадей не нашли. Ещё по недосмотру, из-за плохой дисциплины, сгорела одна варница.

Уже в ноябре 1919 года в Усолье создаётся Центральное управление соляными промыслами «Пермьсоль», ставшее подразделением всероссийского синдиката «Главсоль». Позднее управление «Пермьсоль» преобразовали в трест «Пермьсоль», в его состав вошли все солеваренные промыслы Прикамья, кроме двух Дедюхинского и Усть-Усольского, которые были переданы в аренду артелям солеваров. Усть-Боровской солеваренный завод объединили с Рождественскими промыслами, принадлежавшими до национализации Касаткину, но при управлении двух отдалённых друг от друга производств возникли трудности, и 6 сентября 1920 года на заседании правления треста и представителей профсоюзов промыслов, было решено назначить двух самостоятельных заведующих на Боровской и Островной заводы. На первый назначили Н.Я. Пономарёва, а на Островной — Я.П. Лапина. Такое решение было мотивировано необходимостью подъёма производства и спешности работ. Положение же на промыслах было очень серьёзное, сользаводы испытывали большие трудности, не хватало материалов для ремонта варниц, в дефиците были даже гвозди и заклёпки, поэтому собирали лом, отходы и уже ими проводили ремонтные работы. Остро ощущался недостаток сена для лошадей. Чтобы не остаться без транспорта, трест вынес постановление об обмене одного пуда соли на четыре пуда сена¹³².

В первой половине 1920 года на Усть-Боровском и Усть-Усольском заводах соль не вываривали, сказывалась нехватка материалов и рабочих рук. Рабочие в Усть-Боровой были заня-

¹³² Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 189-191.

ты погрузкой соли (остаток составил 800 000 пудов) и выкаткой дров из воды. Особенно медленно продвигалась последняя операция. Местные исполкомы содействовали в наборе рабочей силы, но направляемые на работу крестьяне требовали за свой труд хлеб, овёс и водку. Не хватало рабочих и на ремонте варниц, не требовали ремонта только 4 варницы. Похожая обстановка сложилась и на Усть-Усольском промысле, рабочие складировали дрова, а производство простаивало.

Солепромыслы переводят на государственное обеспечение, но это не смогло сделать их рентабельными. Значительная часть оборудования требовала ремонта, остро ощущалась нехватка дров. Сказался слом дореволюционной системы обеспечения сользаводов всем необходимым, особенно это ощущалось в заготовке дров. Так, в декабре 1920 года, бюро райкома комсомола объявляет ударный месячник по заготовке и вывозке дров для промыслов. А.И. Анофриев вспоминал: «Мы, молодые рабочие подняли на заготовку топлива всех, кого можно было поднять. Шли в лес, собирали валежник, пни и тащили их к топкам солеварен. Вручную заготавливали лес на дрова и сами сплавляли его к заводу»¹³³.

Из-за низкой рентабельности, нехватки рабочих рук, недостатка топлива солеваренные предприятия Соликамска закрываются. В 1925 году уже не действовали Островной (Рождественский), остановленный с обмелением реки и невозможностью отгрузки соли по воде; Троицкий остановлен ещё в 1923 за трудностью снабжения промысла топливом. Действовали только Усть-Боровской, на котором вываривалось в 22-24 годах по 1 738 464 пуда, и Усть-Усольский, где в те же годы производилось рабочими артели по 528 746 пудов соли¹³⁴. А со строительством Калийного комбината закрывается сользавод и в устье Усолки. Только Усть-Боровской солеваренный завод продолжал рабо-

тать до последней четверти XX века. Ручной труд на нём, по возможности, механизуют, по заводу прокладывают железно-дорожные пути, и его зависимость от реки в сбыте продукции уходит в прошлое. Здесь начинают применять электричество, заменяют клепанные цырены на сварные, но сама технология остаётся традиционной и это предрешило его судьбу – 1 января 1972 года он остановлен. Но солеваренный завод не канул в лету, судьба преподнесла ему новую возможность существования – уже как музея. Его древняя технология и производственные сооружения теперь дают возможность посещающим завод экскурсантам окунуться в древнюю историю как соляных промыслов, так и города Соликамска.

С открытием Павлом Ивановичем Преображенским в 1925 году калийного месторождения, встала задача по добыче калийных солей. Поэтому, через два года, на Черной речке близ города закладывается шахта будущего калийного рудника. А в мае 1930 его уже пускают в эксплуатацию. Так началась добыча калийных солей в Прикамье. Но на Первом Соликамском калийном руднике добывали не только соли калия, в 1936 году начинают производство карналлита, а во время Великой Отечественной войны добывается каменная пищевая соль, которую отправляют на фронт. Построить шахту пытались ещё в первой половине XIX века в Дедюхине, как об этом упоминает Дмитрий Петухов в своей книге «Горный город Дедюхин и окрестные местности». Но попытка постройки шахты оказалась неудачной: в то время не существовало технологий, позволяющих осуществить такой проект. В настоящее время ОАО «Сильвинит» наряду с калийными удобрениями производит пищевую каменную соль. С 1991 года по настоящее время было произведено более 6,5 миллионов тонн. Следовательно, город Соликамск и в настоящее время не потерял своего значения как поставщик поваренной соли на рынки России, продолжая вековые традиции соликамских производителей соли.

II. Тема соли в прикамской культурно-языковой традиции

В разделе рассматривается отражение темы солеварения и символики соли в русской антропонимике и топонимике, в прикамском фольклоре, в семейных, хозяйственных и магических обрядах.

2.1. «Соляная» ономастика

Лексика отечественного солеварения достаточно полно отразилась в русской антропонимике и топонимике, в целом в народной речи. Известен значительный круг русских фамилий, связанных с темой соли. Фамилия Солянов, вероятно, содержит свидетельство о том, что предок носителя этой фамилии носил прозвание Соляной (возможно, был собирателем пошлыны, которую платили при ввозе соли; пошлына и звалась соляное). Фамилии Солонинин, Солоницын, Солонцов, скорее всего, образовались как указания на названия мест, откуда родом ее носитель (например, с реки Солоница). Фамилии Солеваров, Соловаров, Соловарь, Солников, Солобоев образованы от именованя отца по роду деятельности (солевар — тот, кто варит, заготавливает, вываривает соль, солбой — кто занят ломкой, колкой пластов каменной соли). Носители фамилии Варцев, вероятно, имели предка, также занятого солеварением (варец — это человек, руководивший вываркой соли). Фамилии Соляник, Солянкин, вероятно, связаны с названием соляник — амбар для хранения соли. Фамилия Трубников восходит к названию работника на соляной шахте (трубе) трубник. Фамилия Цыренщиков (в том числе с вариантами — Циренщиков, Цырень-

щиков, Церенщиков) восходит к названию котла для выварки соли црен — их изготовлением и ремонтом занимались цренные мастера, циренщики.

Наиболее часто слово соль встречается в русских географических названиях. Соленосные места назывались озеро Солёное, река Солоница или Солянка, Солоница (Соляной остров есть на реке Солоница в Ярославской области). Часты названия населенных пунктов типа Сольцы (Новгородская область), Усолка (известно несколько речек Усолка в бассейнах Камы и Енисея, на Волге, на Ангаре). Достаточно убедительна версия «соляного» происхождения названия Соловков и Соловецкого монастыря, поскольку в прошлом здесь было много солеварен (варили соль и из морской воды, и из воды источников). Известно даже предание об особой значимости соловецкой соли: «Такая и поговорка была: «Москва веками соловецкой солью жила»². До сих пор сохраняются следы древнего соляного пути из Соловков в Петербург через Карелию.

«Соляные» названия получают улицы и дороги. Так, улица Солянка в Москве названа по стоявшему здесь в XVII-XVIII в.в. царскому Солянному двору, в амбаре которого хранились соляные запасы. Название Соляной переулочек в Санкт-Петербурге — это па-

² <http://www.solovki.info>, по книге Н.А.Криничной «Предания Русского Севера», СПб, 1991. Ученые происхождения названия Соловки возводят к финскому слову *suoli* 'остров'. Известны и другие «русификации» неславянского названия – в том числе сближением со словом солевой. «Соловыная» этимология Соловков связывается с преданием, по которому именно солевой прославил воскресение Христа (поэтому в русской духовной литературе его образ служил для обозначения праведника, человека, никогда не забывающего и прославляющего Бога).

¹ Раздел разработан в рамках гранта РГНФ №10-04-82760е/ «Разработка этнолингвистического словаря промысловой лексики говоров Прикамья».

¹³³ Богданов М.В. Соль Соликамска. – Соликамск, 2010, С. 191-193.

¹³⁴ Уральский Торгово-Промышленный справочник, 1925 год. – Пермь, 1925, С. 395.

мять о том, что в прошлом здесь также стояли амбары для хранения соли, т.н. Соляной городок. В Старой Руссе есть Соляная улица — она начинается у места впадения Соляного ручья в р. Полисть. Соляная улица в Саратове — отголосок тех времен, когда город, расположенный на пересечении торговых путей, был крупным центром продажи соли в России; на берегу Волги стояли лабазы для хранения соли. Естественно, улица Солеваров есть и в Соликамске.

Соляной путь — старое устойчивое название многих торговых путей. Старый соляной путь длиной 100 км. когда-то соединял немецкие города Люнебург и Любек (в Люнебурге получали натуральный соляной раствор, а из Любека соль экспортировалась по Балтийскому морю; своему богатству и благополучию эти города обязаны торговле и перевозке соли). Хорошо известен Чумацкий шлях — соляной путь (полоса шириной 7-10 км из просоленной земли) в Крыму и на северном побережье Черного моря. По нему из Крыма веками обозами вывозили соль, в основном на соляные торги, которые проходили недалеко от нынешней Одессы. Солевозная дорога длиной в 360 верст пролегла от Илецка до Самары — она была оборудована специальными форпостами для охраны солевозцев от разбойников.

Другая языковая мета территорий промышленной добычи соли в старину — топонимы, упоминающие слово варница. Варницкая слобода есть под Ростовом, Варницами называется поселок в Ярославской области (стоит над соляными источниками), как Варницкий известен и располагающийся здесь Троице-Сергиев монастырь (место, где родился Сергей Радонежский — неподалеку от него вплоть до XVII века располагались соляные варницы).

Как и многие русские названия (Соляч, Солигалич, Сольвычегодск), слово Соликамск указывает на богатство места, где стоит город, солью, этим жизненно необходимым продуктом. Название города образовано от исходного сочетания Соль Камская. Аналогичная модель использована для названия Сольвычегодска — города в Архангельской области на берегу Вычегды (притоке Северной Дви-

ны). Во II пол. XVI-XVII вв. Сольвычегодск — крупный центр солеварения, главная резиденция знаменитой династии Строгановых. Постаринному город назывался Соль Вычегодская. Аналогично один из древнейших в России центров солеварения вологодская Тотма нередко назывался Соль Тотемская. Самостоятельное использование слова соль как топонима отмечено в названиях Великие Соли и Малые Соли (Ярославская область, селения на реке Солонице). Как о «Соли», говорится в духовной грамоте 1389 г. о Солигаличе — крупном котломском центре древнерусского солеварения, который уже в XIV веке славился соляными промыслами. Название Соль-на-Городце носил в прошлом г. Балахна (Новгородская область), Солью называли и Усть-Сысольск. Слово соль использовано в названии Соль-Илецк (Предуралье, Оренбургская область — здесь уже в XVI в. были начаты разработки каменной соли). Слово использовано и для названия небольших населенных пунктов: деревни Соли Большие, Соли Малые, Соль Горькая отмечены в Ярославской области, в разные времена название Соль Великая, посад Большие Соли носил пос. Некрасовское (Ярославская область).

Усолье — селение «у соли». Это обозначение соленосных участков и промысловых поселений распространено не только на Урале, но и в Поморье, в Сибири, на Волге; самое раннее название Соликамска — Усолье Камское. Населенные пункты с названием Усолье есть в Самарской, Владимирской, Нижегородской, Архангельской, Кировской, Иркутской областях, есть Усолье на реке Нерли и в Республике Коми. До XV века именовался Усольском Сольвычегодск (находится на берегу соляного озера). В Прикамье деревня Усолье есть в Оханском районе (как считает краевед А.В. Ширинкин, это название скорее всего «принесли» сюда в более позднее время выходцы из Соликамска или Усолия).

Любопытным является прикамское название деревни Несоли — в Косинском районе Коми-пермяцкого округа. Вероятнее всего, оно отразило бедность жителей деревни, неспособность их покупать соль. Аналогично, кстати, объясняется коми-пермяцкое на-

звание деревни Дубленёво в Юсьвинском районе: «Старая деревня. Раньше без соли у нас ели. Соли не было — Соликамск далеко, вот без соли и ели. А соль доставали через двести-триста километров, чтобы пищу посолить. Вот поэтому Дубленево, раз без соли ели. Дуб по коми значит «несоленный» (зап. Голевой Т.Г. от Бычковой К. П., 1922 г.р., д. Дубленево).

2.2. Названия варниц

Особый пласт наименований, так или иначе «рассказывающих» о соляном промысле, — «имена» рассолоподъемных труб и варниц. Эти названия указывали на особенности сооружения, на время его строительства и пуска, на местоположение, на качество, возможно, говорили и об устройстве трубы, указывали на имя мастера или руководителя строительства, а также на имена и фамилии людей, живших неподалеку от производства. Так именовались трубы и варницы в Тотме: по владельцу — труба Захарья, Жучиха, варница Харламовская, Максимовая, Ольгина; по месторасположению — труба Луговая, Задняя, Мостовая, варница Сошновка, Осинювка, Средняя, Задняя, Новая, Мостовая; по особенностям и внешнему виду самой трубы — труба Скориха, труба Наставка, труба Грязная, варница Красотинка³.

Соляные варницы в Прикамье назывались Никольская, Ильинская — возможно, по отнесенности к дате установки или пуска, по праздникам Николы и Ильи или по небесным покровителям (примечательно, что именно к Николиному дню приурочивалось особо значимые работы — например, окончание поставки дров для соловарен⁴). Варницы Усть-Боровского завода носили имена: Александровская, Васильевская, Ивановская, Георгиевская, Иверская, Пантелеймоновская, Михайловская, Троицкая, Никольская, Воскресенская.

³ См. подробно: Язык земли Тотемской: <http://www.totma-online.ru/442-totemskoj.html>

⁴ Н.В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. — Изд-во Академия наук СССР, 1957. С. 252.

Эти названия переключаются с названиями крепостных башен (они и сходны друг с другом многими конструктивными и декоративными деталями; заметим, что проекты новых варниц в Усолье составляли известные архитекторы, например, И.И. Свиязев). Название соляной варницы конца 19 века Иверская в Соликамске (сгорела в 2002 г.) сходно с названием Иверской монастырь на Валдае. Оба названия даны по иконе покровительницы Иверской Божьей матери (икона так названа по месту пребывания — афонскому Иверскому, т.е. грузинскому, монастырю). Варницы Мокрецовская, Волковская, Щепоткинская явно соотносятся с фамилиями. Так, фамилия Щепоткин могла (наряду с родственной фамилией Щепетильников) обозначать сына щепетильника, т.е. торговца мелочью. Название трубы Чукриевская отсылает к распространенной в Прикамье фамилии Чукриев (от коми-пермяцкого чукёр, букв. «груда»; слово используется в коми-пермяцком языке как переносное название семьи). Названия варниц и труб Сокол, Душегубка, Дорогуша, Безгодчиха имеют ярко выраженный оценочный характер. Слово Безгодчиха может быть связано с диалектным безгодица 'бедствие, несчастье, неудача' или с безгодный 'очень старый'. Название Сокол, скорее всего, связано не столько с осмыслением благородной птицы, сколько с профессионализмом сокол 'ударный инструмент в виде подвесной штанги для забивания клиньев'. Соколом в старину на Руси называли и таранное стенобитное орудие из железа или дерева, которое подвешивали на цепях, раскачивали, а затем пробивали им стены и ворота крепостей неприятеля (отсюда, кстати, выражение гол как сокол — поверхность этого орудия была ровной и гладкой).

Обращают на себя внимание формы женского рода названий типа Дорогуша, а также использование суффикса -их(а), который в народной речи нередко используется для названия жены по мужу. Эти аналогии варницы и женщины достаточно устойчивы (возможно, отсюда пошло использование слова кика для обозначения дымовой трубы соляной варницы, поскольку основное значение слова кика — женский головной убор с рогами).

2.3. Соль в прикамских обрядах, верованиях и представлениях

Соль воспета пермским фольклором. Издавна коллективным прозвищем жителей Пермского края и коми-пермяков является выражение солёные уши (солёное ухо). Общеизвестное объяснение прозвища напрямую связывает его с соляными промыслами: соляная пыль при переноске на плечах мешков с солью сыпалась на голову солоносам, отчего профессиональные травмы – разъеденная, шелушащаяся кожа, воспаленные уши — всеми понимались как признак пермяка.

Соль — общеизвестный символ, наделенный большим количеством значений и смыслов. Уже в Библии соль (как и огонь) упоминается как средство очищения или предохранения от зла. Поскольку соль сообщает пище приятный вкус, она символизирует чистую и святую жизнь. На Тайной вечере, последней трапезе Иисуса Христа с учениками, где Иисус предсказал предательство Иуды, знаком предательства, нарушения дружбы, вообще справедливости становится опрокинутая солонка на столе возле Иуды (как на знаменитой картине Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»). Соль как консервант, средство, противостоящее смерти-гниению, разрушению, используется в самых разных культурах как символ дружбы, а также бессмертия, средоточия жизненной силы.

По рассказам старых людей, работа на соли, в варницах была сопряжена с большим риском. «Вода ведь кипит, как каша, соль-та варится. Доска вот прогнется, и улетишь. Ой, сваривались люди, зажжало сваривались». (Соликамск, зап. от А.И. Пачиной, 1907 г.р.). Ряд источников и устных рассказов свидетельствует о том, что соляные работы обязательно начинались с молитв, с богослужения: «Во время солеварения в 12 часов ночи ходят повестники, которые извещают солоносов словами — Боже наш, помилуй нас! Соль послела носить. Солонос отвечает «аминь». (Зап. В Усолье). Солеварение, добыча соли — занятие не только физически тяжелое, но и мистически окрашенное, о чем говорят многие образы народной речи. Пермское вы-

ражение соль добывать зафиксировано как оценка состояния смерти (близко к нему выражение отправляться за солью 'умирать', отмеченное в русских говорах Грузии: «За солью отправляться хочет этот гусенок. Давеча кто-то говорил, что он уже за солью отправился - помер, значит»). Выражение укладывается в общую схему многих народных выражений, где умершим приписывались способности заниматься каким-либо ремеслом, более всего «доступным» в зоне смерти, типа перм. на том свете лапти плести, на том свете коз пасти, горшки делать, черепанить. Если последний образ связан с идеей смерти как работы с землей (ее «много» там, где находится умерший), то аналогия смерти и добычания соли продиктована скорее всего древним еще представлением о соли как о веществе вечности. Кстати, негативный смысл соли представлен в уральских выражениях соленый дождь 'о идущем при свете солнца дожде': «Если дождь пополам с солнышком, то плохой, хлеб портится; говорят он соленый. Сквозь солнце идет дождь, то называют его соленый» - СРНГ, вып. 39 с. 263). Это выражение иллюстрирует и народное соотношение соли с солнцем. Конечно, данное сближение слов - пример народной этимологии, фактически же слово соль родственно словам солод, сладкий (вещество было названо так из-за осмысления соленой пищи как сладкой, т.е. вкусной, более приятной на вкус).

Фольклорное «имя» соли — Марья (ср. в загадке что в избе за белая Марья?). Это женское имя в народной речи в прошлом использовалось для называния прежде всего ритуально значимых предметов — как в вологодском марьюшка, манька, машутка 'дожинальный сноп', 'пучок березовых веток, которым выгоняли мух и подметали избу перед внесением дожинального снопа⁵). Как указывают исследователи, в фольклорном образе Мары часто «... отражен прототип, связанный со смертью (и водой-морем)»⁶.

Соль, устойчиво ассоциирующаяся со смертью, вечностью, с

⁵ Е.Л. Березович. Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich.htm>.

⁶ См. подробно: Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 217–243.

божествами, активно используется в народной культуре как защитное, обереговое средство). Этот смысл отчетливо проявлен в массе народных формул для защиты от колдуна — пермск. соль тебе в шары, новг. солено тебе в глаза. Выражение завидящим в глаза соль (кунгурское) используется как возглас при лечении сглаза. Незваных гостей на празднике, свадьбе в Прикамье называют солянцы («На свадьбе народу много было, да и солянцев много». — Андреево Кишертский район). Название, вероятно, связано с обычаем печь для таких незваных гостей особые соленые булочки или пирожки с начинкой из соли солоники (арх., пермск., новг.; такие булочки, выпекаемые прежде всего на праздники и на свадьбу, назывались крепаша (новг.), соленики (волог.). Угощение посторонних, незваных гостей такими булочками напрямую было связано с представлением о том, что злой дух боится соли, что посторонние могут сглазить молодых. Этим продиктован и обычай - ограждать от бед, несчастий, от дурного глаза молодых на свадьбе хлебом-солью, известный некоторым народам (евреям, болгарам, русским) обычай посыпать или даже «солить» новорожденных детей, детенышей животных, использовать наговоры на соль при заговаривании болезней: «Как эта соль не боится ни глазу, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так ты, раба Божия (имя), не боялась бы ни опризорищей, ни оговорищей» (с этими словами знахарка бросает наотмашь соль). Особую «силу» при этом получает ритуально изготовленная четверговая соль, которую заготавливали в Страстной четверг (пережигая ее в печи, оставляя на ночь на столе или на улице под звездами). Эту соль хранили в течение всего года и использовали от «сглаза», при лечении самых разных болезней, в том числе детских и домашнего скота. В ряде мест Прикамья эта соль называется Четверговая или Великая («Великая соль — хранишь ее с Паски, маленьких лечить или там от сглазу». — Подволошино Березовского района).

Угощение пищей с солью – не просто известный символ гостеприимства, но и знак установления дружественных отношений (от-

сюда выражение о неудачном визите ушел несолоно хлебавши). Угощение пересоленной пищей в свою очередь есть не что иное, как акт перевода в другое качество, состояние. Например, во время обеда на крестинах отцу ребенка давали ложку сильно подсоленной каши с перцем, чтобы он знал, как «солону и горько рожать». Способное противостоять сверхъестественной силе вещество само начинает восприниматься как родственное этой силе. Выражение насолить кому-нибудь связано по своему происхождению со способами наведения порчи с помощью соли, подброшенной в дом или в пищу (ср. псковское сест в соль — хлебнуть горя).

«Соленым» в народной среде представляется не только беда, несчастье, но и любовь — чувство, с одной стороны, дающее вкус к жизни, а с другой, повергающее человека в страдания (ср. примету о пересолившей — «влюбилась»). В народной речи, в фольклоре известно название солью дорогого, любимого («И яблочко, и любезная моя, ах, соль ты моя» — донское, СРНГ, вып. 39, с. 263), отказ же от соли понимается как своего рода «жертвование» (у славян нередко пирог, который пекли на поминках, не солили). Все эти примеры показывают, что соль, как и большинство культурных символов, противоречива. С одной стороны, наглядным образом лишения и бедности выступает бессолица, с другой — обилие соленого (отсюда выражение хлебнуть соленого до слез «много натерпеться»).

Интересный пример из народной культуры Прикамья — названия молодежной игры соль вешать (целовать по приказу ведущего кого-либо из участников, выкупая свой фант), масленичной забавы с новобрачными рыжики солить (заставлять их принародно целоваться). По этим играм, поцелуй, который в народной культуре предстает прежде всего в ритуально-магическом, а не в бытовом, чувственном качестве, символически сближен с солью. Отвесить соли по игре, т.е. поцеловать партнера – это своего рода плата при выручении своего фанта (взвешивали соль в прошлом также, прежде всего для пошлыны).

В «Нагорной проповеди» (Евангелие от Матфея) используется выражение, ставшее крылатым: «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, разве что выбросить ее на попрание людям...». В словарях фраза соль земли описывается как обозначение «самого важного, самого ценного в людях», название лучших. Как еда без соли пресна, а малая частица соли делает её вкусной, так и жизнь пуста без тех людей, кто придаёт ей вкус и смысл.

III. О технике соледобычи в давние времена

Соляной промысел – один из древнейших, в том числе и в Прикамье. Соль-пермянка добывалась во многих местах, и прежде всего по рекам Иньве, Вишере, Язьве, Колве. Много позднее (ок. 1430 г.) выварка соли была начата на притоке Камы Усолке, где основывается современный Соликамск. В начале XVII в. центром солеварения становится Усьолье. В разделе рассказывается о технике бурения и подъема соли, об устройстве варниц и других помещений промыслов, о хранении и транспортировке соли в Прикамье в XVII – XX веках. В конце раздела помещен словарь терминов соляных промыслов.

3.1. Бурение и устройство рассолоподъемной трубы

Весьма ответственным делом для соледобычи в XVII в. был выбор места для рассолоподъемной трубы. От этого зависело, попадет скважина на источник рассола или нет, а также то, какова будет крепость рассола. Рассолоподъемная труба состояла из матицы; обсадных трубок, или большой поделки; вёслых трубок, или средней поделки; копежа для рассола, или малой поделки. Составной частью скважины были и машинные трубки, располагавшиеся частично в рассолоподъемной трубе, частично над поверхностью земли. Выбрав место, где собирались бурить (или как говорили на промыслах, садить трубу), приступали к подготовке. Для этого выкапывали квадратную яму со стороны в две сажени, глубиной также до двух сажень, до почвенных вод. В яму опускали бревенчатый сруб, чтобы грунт не осыпался и не мешал работе. В середину сруба ставили вер-

тикально первое колено матичного дерева, надёжно его укрепив. На верхнем конце колена устанавливали две толстые доски, длиной 4 аршина, в середине досок вырезали отверстие по диаметру матицы. На доски клали два бруса, которые укрепляли плахами, называемыми бабками. На брусьях настилали пол, на который помещали четырёхугольный сруб, или окриту. В окриту накладывали груз, а также породу, добываемую при бурении скважины (руз своим весом давил на трубу и этим помогал углублению). На расстоянии в 4 сажени от ямы в землю вкапывали толстый крепкий столб с поручнями для подъёма работников. На вершине столба выдалбливалась выемка, в которую укрепляли брус, называемый пальцем, с толстым железным крюком на одном из концов. На крюк подвешивали десятисаженное бревно с железной оковкой и «деревянную подмогой», называемой также пальцем. Бревно служило коромыслом и имело перевес у комя, а на обоих концах крепились пеньковые канаты, идущие к двум небольшим воротам. С помощью этих ворот, через матицу, на канате опускали в канал скважины деревянную, окованную железом бадью тюрик (в Дедюхине этот инструмент именовался мехом). Столб с поперечным бревном именовали жаровцем. После того, как матичное дерево устанавливали, его начинали углублять. Для этого использовали тюрик, обычно изготавливаемый из дерева, а иногда из железа, дно которого было уже верхнего отверстия, с клапаном или без.

Укрепив ласту (или рукоять) тюрика с помощью колец и пятника к сквороднику — длинному шесту, используемому для кре-

пления бурильного инструмента, опускали это приспособление на дно матицы. На конце сквородника, оставшемся сверху окруты, привязывали ремнём шест, или как его называли стяг. Два человека, взявшись за стяг, то приподнимали, то опускали один из его концов. Для того чтобы тюрник выбирал породу по всему матичному отверстию, его поворачивали вокруг оси. По мере того как рыхлые породы в смеси с водой заполняли тюрник и освобождали пространство под матицей, она осаживалась под своей тяжестью. Наполненный тюрник подымали при помощи жаровца, освобождали и опускали вновь, повторяя операцию. Работу продолжали до того времени, пока матичное колено полностью не опускалось в землю, а вместе с ним и округа. После этого округу разбирали, наставляли второе колено (при необходимости добавляли и третье колено).

На второе колено клали четыре толстых 8-аршинных бруса, под концы которых ставили 12 деревянных стоек, которые называли ногтями. Противоположный конец ногтей «утверждали» по окружности матичного дерева в специально сделанных, оббитых железом, небольших гнездах. На брусках возводили новый бревенчатый сруб на мху, называемый большой округой, длина стороны которого составляла 8 аршин, а высота до 4 аршин. Если работы производили зимой, то в срубе выкладывали очаг с выведенной вверх трубой, пол под очагом засыпали чугунным балластом и камнями, доведя груз до 5 000 пудов, для той же цели, что и в малой округе. Если попадались гальки и валуны, использовали для выбирания галек щелом, представляющий собой бур с железным лукошком над ним (он прикреплялся к шесту и был вращаемым). Если встречались большие кварцевые гальки, то применяли боевые долота. Дойдя до плотной сланцеватой глины, которую называли лудою, начинали углубляться буровыми, от меньшего размера к большему. Применяли их до пяти штук. При этом,

густую грязь подымали самим буровом, а жидкую — тюрником с клапаном длиной в девять четвертей. Для выборки из-под матицы больших валунов и кусков дерева использовали подгубное долото. Инструмент для проходки прикрепляли к еловому шесту (сквороднику). По мере углубления шесты наставляли, соединяя железными ставами, с помощью винтов и колец. К верхнему концу сквородника ремнём привязывали берёзовый шест (стяг), с двумя на каждом его конце обрубками (собаками), для большего давления на них клали груз.

Матицу, или матичную трубу, устанавливали для того, чтобы при начале разработки скважины поверхностные породы не препятствовали углублению и при устройстве скважины не засыпали другие трубные части. Матичную часть делали из бревен толщиной от 14 до 16 вершков и длиной до 5 сажень. Так как деревья такой толщины были очень редки, то с 30-х годов матицу стали изготавливать из брусев, плотно соединённых между собой и стянутых железными кольцами. А поскольку матичную трубу углубляли до 10-12 сажень, то ее делали составной из двух или трех частей (колен). Если колена делали из цельного бревна, то их просверливали 12-ю бурами, или как тогда говорили, буровыми. Первый бур имел диаметр один вершок, диаметр каждого следующего увеличивался на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ вершка, после употребления всех двенадцати буров канал расширяли резцами до диаметра 8-10 вершков. Если матицы делали из брусев, то их внутренний диаметр был от 12 до 14 вершков. Отдельные колена трубы соединяли ставами. У нижнего конца колена делали выемку — длиной 12 вершков, а внутренний диаметр канала увеличивали на 1 вершок. На верхнем же конусе также выдалбливали выемку — длиной 12 вершков, и внешний диаметр трубы уменьшали на 1 вершок. Когда составляли колена, для предохранения разрушения нижней части от давления верхней на стыке вкладывали железное кольцо, а между ставами для большей плот-

ности клали сукно и войлок. Затем стык заливали варом (варёной смолой). Чтобы части трубы удерживались вместе, иногда на них набивали скобы. На нижний конец нижней части набивали железное кольцо, которое предохраняло трубу при углублении от крупных галек и лучше разрезало породу. Когда матичная труба при заглиблении доходила до глинистого известняка, устанавливали как фундамент порог, на который упиралась матица. После установки матицы в скважину вставляли обсадные трубки, которые нужны были для того, чтобы породы не могли осыпаться и повреждать помещенные в них веслые трубки, а также для отсечения пресной воды.

Для обсадных трубок выбирали плотные сосновые деревья длиной от 2-х до 3-х сажень, внутри них высверливали канал диаметром от 4 до 5 вершков. Для прочности трубки обмазывали варом, иногда предварительно обвив холстом. Колена обсадных трубок скрепляли одно с другим, также как и матичные. На оконечности верхнего колена наколачивали широкое медное или железное кольцо; соединения частей обсадной трубки заливали смоляным варом, а снаружи обколачивали железными тягами. После этого стык заматывали холстом и обтягивали бечевкой. Для того чтобы пресная вода не проникала в скважину через нижний конец большой поделки, у порога делали запор — нижний конец трубы обматывали кожей, которая, разбухая, закрывала все пропуски. Для порога, на котором покоилась большая поделка, выбирали как можно более плотный слой камня.

Обсадные трубки были от 8 до 12 сажень и состояли из 3-х или 4-х колен. Верхний конец большой поделки находился ниже верхнего края матицы на одну сажень. Для того чтобы обсадные трубки всегда оставались в вертикальном положении, пространство между ними и матицей забивали толченым кирпичом (вместо кирпича использовали также два мочальных жгута). По вес-

лым трубкам рассол поднимался на поверхность. Изготавливали среднюю поделку из сосновых бревен толщиной около 4 вершков, в них бурили отверстие на 1.5-2 вершков в диаметре. Длинной веслые трубки были от 25 до 40 сажень и составляли 8-15 колен. Средняя поделка имела два запора — из овчины и кожи. Снаружи ее обмазывали смолой, обматывали холстом и обвивали бечевкой. Составы колен соединяли как у обсадных трубок, затем заливали варом, обматывали холстом, смолили, обматывали пряжей и опять смолили. Самое верхнее колено средней поделки называли головным, или головою, оно отличалось от других тем, что верхний конец у него был гораздо шире. Головная трубка делалась длиной от 2 до 2,5 аршин, на верхний конец ее набивали медное кольцо для предохранения повреждений от машинных трубок. Голова выступала из обсадной трубы на 1.5-2 аршина. Чтобы средняя поделка стояла в матице посредине, между головой и матичной трубой набивали мочальное кольцо. Остальное пространство между веслыми и обсадными трубками оставалось пустым. Скважина в породе без укрепления стенок, диаметром от 2,5 до 3 вершков, глубиной от порога веслых трубок от 10 до 20 сажень, называлась копеж, или малая поделка, она предназначалась для накопления рассола.

К головной части средней поделки прикрепляли машинные трубки, в которых находилось устройство для подъёма рассола с глубины. Машинные трубки находились на поверхности, в них поступательно двигались поршни подъёмного механизма, приводимого в движение или паровой машиной, или конным воротом. Для изготовления машинных трубок брали плотные сосновые деревья толщиной в отрубе от 6 до 7 вершков, длиной в 2,5 сажени. Трубки околачивали железными обручами, иногда обвивали холстом и пряжей, а затем покрывали варёной смолой. Таких трубок использовали от 4 до 6, смотря по высоте клетки; места соединения коно-

патели. Нижний конец машинной трубки вставляли в бадью, специальную трубу с клапаном, вставляемую в среднюю поделку (вёсельные трубки). Верхний конец машинной трубки выходил из губы матицы вверх на высоту 3-4 сажени, смотря по тому, на какую вышину требовалось поднять рассол.

С середины XIX века стали устраивать двойные машинные трубки, то есть два насоса, — для того, чтобы достигнуть более равномерного действия механизма и добычи большего количества рассола. В этом случае машинные трубки имели меньший диаметр. Эти две трубки вставлялись в чугунную трубу (рог) вверху с двумя отводами, а третий нижний отвод всаживался уже в вверх вёслож трубки. Для подъёма рассола в нижнем колене машинных трубок ходили два медных или чугунных поршня, которые приводились в движение деревянными шестами. Вверху же они крепились к механизму, приводимому в движение конным воротом. Конный ворот устраивался в отдельном помещении, пристроенном к клетке. Лошади, управляемые погонщиками из подростков, ходили по кругу, сменяясь через каждые 6 часов.

В конце XIX века в Соликамске для приведения рассолоподъёмного механизма в действие начинают использовать паровые машины. Рассолоподъёмное устройство, располагавшееся над скважиной, помещали в так называемую клетку, которая представляла из себя квадратный бревенчатый сруб, со стороны в 2,5-3 сажень, с окнами и лестницей для подъёма на верх сооружения (высотой её обычно делали 6-7 сажень). В соответствии с высотой машинных трубок, в кровле оставляли отверстие, через которое проходил в наклонном положении глагол — длинный брус с перекладинами для всхода работников. Глагол служил для подъёма труб, если их надо было ремонтировать; для этого на верхнем конце глагола прикрепляли блок. Иногда глагол устанавливали снаружи клетки, тогда он подни-

мался в наклонном положении от уровня земли.

Обычно рассола из одной трубы хватало на две варницы, но, как правило, на 6 солеварен приходилось 4 скважины: одна была запасной. Поднятый рассол транспортировался по желобам, лежащим на столбах (сохах), высотой от 1,5 до 4 саженей, на расстоянии от 10 до 100 саженей, или же по деревянным зарытым в землю трубам, носившим название фонтан. Рассол по желобам или трубам поступал в специальные деревянные крытые тёсом резервуары – соляные лари. Основное предназначение их было хранить постоянный запас рассола на случай поломки рассолоподъёмных машин. Также в соляном ларе из рассола осаждались механические примеси, и выходил сероводород. Лари строились из брусьев, на крепких и прочных ряжах. Каждый разделялся на два отдела, в одном хранился богатый рассол, в другом — слабый. Объём каждого из отделов вмещал до 17 544 вёдер. Запас хранимого в ларе, как правило, использовали для двух солеварен.

3.2. Устройство варницы и технология производства соли

Устройство варниц и сама технология выварки соли долгое время оставались весьма традиционными. В начале XIX века в Прикамье все варницы были черными — дым из печи выходил вовнутрь солеварни. Черная варница представляла собою квадратный деревянный, бревенчатый сруб, крытый жердями или тёсом, без окон и, как правило, с одним большим входом или дверью. Сторона сруба 7-7,5 саженей, высота до кровли 3 1/2 саженей, а до вершины последней 6 саженей. До начала XIX века здание варницы могло быть и другой формы. Так, в Верхних Чусовских горках, при передаче владения Лазареву упоминается восьмиугольная солеварня, Перед входом в солеварню устраивали по-

мещение — пристенок, используемый для размещения работников и складирования дров на суточную варю. Посередине основного помещения находилась четырёхугольная яма, называемая подчренным местом, глубиной до 6 аршин (подчренная яма могла быть и круглой). Бока ямы выкладывали песчаником, а дно усыпали щебнем и песком, чтобы удобнее было вычищать золу и заплеску, образующуюся из просачивающегося иногда рассола. В передней части, напротив выхода, яма имела устье или чело, высотой 2 или 2,5 аршина, шириной 1,5 аршина, площадь его должна была быть равна 1/40 части площади чрена. Оно служило деревянным и поддувальным устьем, яма же топочным местом, то есть печью. На устье навешивали железные дверцы или заслонку. К отверстию пристраивали наклонный помост, который называли плотбищем. Над печью на железных дугах подвешивали прямоугольный чрен, длиной от 12 до 16 аршин, шириной 12-14, высотой 11-12 вершков. При площади от 165 до 200 квадратных аршин он вмещал до 150 кубических аршин рассола.

Расстояние между краем ямы и чреном засыпали землёй, но оставляли небольшие отверстия, чтобы лучше регулировать огонь в печи и для осушения варницы. Дым из подчренной печи выходил через размещённые сзади чрена борова в две трубы, называемые кичками, которые выступали над уровнем пола варницы на 1-1,5 аршина. Дым после смешения с выделяющимся при солеварении паром и газами выходил через люки в крыше — в них также устраивали небольшие кички. В некоторых солеварнях устраивали поддувала — одно или два отверстия, высотой и шириной в пол аршина, сделанные в передней части печи. Воздух поступал в печь через вырытые в земле ямы, с установленными в них лестницами для спуска работников. Поддувала уменьшали количество копоти на поверхности сушимой на полатях соли, особенно если использовали сырые дрова.

Чрены изготавливались из листового железа, пластины (полицы) были двух видов: рядовые, они шли на изготовление дна (или полотна) цырена, и лесневые, из них изготавливали борта чрена. Полицы по рядам сшивали между собой рядовыми гвоздями (клепками), а по углам точальными (и те и другие имели плоскую шляпку и цилиндрический стержень). К краям цырена, то есть к лесневым полицам, для их большей прочности приклепывали железную полосу (порубень). Отверстия в полицах пробивали специальным комаром. Швы чренов для ликвидации протечек рассола внутри чрена замазывали ржаным тестом. Если протечки всё же были, то в печи образовывались натёки поваренной соли, которые по промысловому назывались шареем.

В начале XIX века цырен подвешивали над печной ямой следующим образом. К полотну чрена прикрепляли железные петли (ножки), число которых могло достигать 240 (такое большое количество необходимо было для предотвращения прогиба чрена). За петли прицепляли железные тяги, идущие к железным дугам, охватывающим бревенчатые переклады, покоящиеся на восьми столбах. Столбы могли быть как каменные, так и деревянные или чугунные, располагали их вдоль боков цырена на прочном фундаменте. Чтобы переклады не гнулись от тяжести и не разрушались, их поддерживали одной или двумя продольными перекладами (пушками), подвешенными на железных полосах к особым стропилам, которые называли ногтями. На высоте в 2,5 аршина над чреном, по краям, на тех же перекладах для сушки соли устанавливали полати, где соль находилась во время всего суточного процесса солеварения. Длинной полати были по размерам цырена, а шириной 3 аршина. Площади полатей должно было хватать для размещения на них вываренного за сутки продукта.

Варницы были двуустными и одноустными — двуустные от-

личались от одноустных тем, что они имели две топки — подчренная печь разделялась посередине на две части каменным простенком. Две топки соединялись между собой небольшим пролётом между простенком и дном чрена. Чрен подвешивался сверху, снизу он опирался на перегородку, для этого на неё устанавливали крестообразно чугунные бруски. Чрен размещался над печью не совершенно горизонтально, задняя часть была выше передней на полтора вершка. Так как в этом случае использовалось меньше петель, а пространство цырена было меньше загромождено тягами, соль извлекалась дочиста.

Процесс солеварения во всём Прикамье основывался на одних и тех же приёмах, различия состояли лишь в количестве используемого рассола и дров, в зависимости от величины цырена. Завар, то есть действие варниц в течение года, как правило, начинался с середины июня и заканчивался в течение второй половины апреля, со вскрытием Камы и начинающимся половодьем. Завар составлял варничный год, в котором насчитывали 22 варничных недели, неделя содержала в себе 12 дней. Когда вода спадала, приступали к немедленному ремонту солеварен, а время, когда происходило восстановление варниц, называлось подъёмом. Кроме весенней остановки производства, происходили кратковременные, ежемесячные — для очистки и починки чрена и печи (для сгрёба) остановки. Различали два вида сгрёба: чёрный и белый, при первом солеварню пускали в действие на новом или отремонтированном цырене, а во втором случае варница останавливалась лишь для очистки (отряски) чрена. Различие в названиях объясняется тем, что при работе солеварни на новом или исправленном цырене получалось меньшее количество соли, да и соль была настолько грязная, что из первых двух варь её выбрасывали в реку (под надзором соляного пристава во избежания злоупотреблений) или возвращали на перевар. Грязной, буроватого

цвета она получалась оттого, что даже на вычищенном цырене все равно оставалась ржавчина.

Приступая к выварке соли после подъёма или сгрёба, повар напускал рассол в цырен по желобу из находящегося в варнице фонтанов (рассолопроводов от соляного ларя). Другие работники набрасывали в печь от 4 до 5 погонных сажень дров (такие сажени ещё называли промысловыми, они равнялись примерно половине квадратной сажени) и разводили огонь.

Дрова на промыслах применяли особые. Считалось, что наиболее подходящими были сосновые, но, как правило, использовали сметник, то есть дрова из деревьев разных пород. Сами дрова состояли из поленьев, точнее чурбаков, коротких и весьма толстых, называемых ёлтышами или коротьём. По своим свойствам коротьё считалось наиболее выгодным для солеварения, так как из-за своей толщины такие дрова горели медленно. В Дедюхине использовали так называемое долготьё или двойник — эти поленья были несколько тоньше, но длиннее — до 8 четвертей.

Как правило, в других промыслах при производстве соли рассолу не давали кипеть, в этом случае выход продукта был больше, сэкономились дрова. В Прикамье наоборот выварка велась с кипением рассола — делалось это для экономии времени и для лучшего отделения примесей. Рассол, испаряясь, сгущался постепенно, а когда он достигал так называемого засола (то есть образования кристаллов, что определялось специальным засольником), снова в цырен напускали рассол. Засольник представлял собой деревянный брусок или палку, размеченную на вершки. Он погружался в кипящий рассол, а когда его доставали, на нём образовывался поясок из кристалликов. Продолжая варю, рассол вновь доводили до засола, затем делали напуск и повторяли таким образом до 4-х раз, пока концентрированный рас-

сол не достигал в чрене уровня восьми вершков. В чрен заливали от 2400 до 3000 вёдер рассола, высота напусков которого называлась поваркою. Постепенное прибавление жидкости делалось для отделения механических частиц и растворённых примесей, гипса и карбонатов. Чтобы убрать их из цырена, в него у бортов и по углам расставляли железные лотки (корытца), числом до 40 штук, с вертикальными ручками. После 2-3-х напусков корытца освобождали от осевшего в них песка. Размещение лотков у бортов и углов чрена было неслучайным — в этих местах кипение было более слабым, а следовательно, именно здесь примеси и оседали на дно. Конечно, всю взвесь таким образом удалить было невозможно, и значительная её часть оседала на дне цырена, образуя при этом чренный камень, который называли здесь треской. Треска покрывала полотно чрена в виде коры, а так как она плохо проводила тепло, для отбивки её останавливали варницу на сгрёб. Вместе с трескою получалась спёкшаяся поваренная соль — леденец. Легкие примеси, собирающиеся на поверхности кипящего рассола в виде пены, снимали черпаками.

Получив концентрированный рассол до 8,5 вершков, закрывали у варницы двери и устье печи, тем самым пускали солеварню на привод, то есть осаждение, предварительно достав из цырена лотки. Чтобы кипение не препятствовало выемке, вновь напускали небольшое количество рассола. На местных промыслах делали крутой привод, то есть оставляли в помещении варницы сильный жар, для того чтобы осаждение соли происходило быстрее — для получения мелких кристаллов. Во время привода, продолжающегося от 12 до 14 часов, от сильного жара, спёртого в варнице, испарялось наибольшее количество воды. Соль осаждалась на дно цырена. Чтобы получить её наиболее свободной от горьких примесей, в чрене оставляли немного рассола (этот остаток называли маточным щёлком, или сушью). После 2, 3, 4 и редко 6 варь (смотря

по чистоте рассола) сушь выпускали через отверстие по желобу. Называлось это сливкой; чем чаще происходила сливка, тем лучше качеством была соль — она давала меньше утечки и усушки. Частая сливка суши тоже была невыгодна, так как в следующую варю на одно и то же количество дров получалось меньше соли.

По окончании привода происходила унимка, варницу отворяли и охлаждали. Осажденную соль выволакивали из маточного щелока и сгребали к бортам чрена, для этого использовали гребло (делалось из лесневой полицы, загнутой в полукруг и прикреплённой к длинному шесту). Одновременно освобождали полати от соли предыдущей вари, которую уносили в магазины (кроме верхнего слоя, черного от варничного дыма, который выбрасывался в реку). Провянувший продукт у бортов цырена доставали и насыпали на полати. Кучу набросанной на полати сырой соли выравнивали лопатой и придавали ей форму трапеции.

Сушка продолжалась сутки, в некоторых варницах двое суток (для этого полати устраивались больших размеров, в этом случае добывались наименьшей усушки и утечки). Пока сырая соль лежала на полатах, из неё в чрен вытекал рассол или суша. В начале XIX века, когда рассолы добывались относительно слабые, в цырене после каждой вывочки соли оставляли небольшой её количество на семена, после этого выварка шла более успешно.

При следующих рядовых варях, после унимки к оставшемуся маточному щёлку напускали свежего слабого рассола и зажигали дрова. Когда рассол закипал, его мешали грёблами для оттопки леденца — пригоревшей к полотну цырена в прошлую варю соли. Если этого не делали, это приводило к преждевременному разрушению чрена. Время от начала выварки и до выноса соли в амбары называлось варей. По времени она распределялась следующим образом: на оттопку соли, пригоревшей к чрену,

— 2 часа; собственно варя — 5 часов; привод — 12 часов; охлаждение варницы, выноска соли в магазины и унимка — 5 часов.

Увеличение двадцатичетырёхчасового цикла могло произойти от «неискусства» повара, состояния погоды и сырости дров. Замедление называлось утяжкой. Но в солеварнях с двумя устьями и поддувалами утяжки не случалось. Варничная неделя в начале XIX века составляла 12 варь, но уже в середине века сгрёб проводили через 20-30 дней, иногда и более. За сутки на варнице получали до 160 пудов соли (в середине века производительность увеличилась до 460 пудов).

3.3. Хранение и транспортировка соли (караванная операция), заготовка дров

Вываренную соль выносили из варниц в холщовых мешках и ссыпали сверху в соляные магазины (амбары). Магазины были деревянными, а чтобы их не заливало во время половодья, их устраивали на ряжах, укрепленных на деревянных стойках. Длиной магазины были от 15 до 18 сажень, иногда и более, шириной 21 аршин, высотой от 10 до 14 аршин. Магазины разделялись на 8-14 закрытомов; в каждый вмещалось до 20 000 пудов соли, а во весь амбар до 300 000 пудов. Соленосы поднимались под крышу амбара по пологим помостам с перилами, установленными на сваях. Соль по возможности на продажу старались отпускать пролежавшей в магазине 10-12 месяцев, так как только через некоторое время она приобретает большую плотность. За год соль теряла до 10% массы за счет усушки и утечки.

Почти вся производимая в Прикамье соль до 1854 года отправлялась в Нижний Новгород по Каме и Волге. Часть её сплавлялась в Вятскую губернию, до устья Вятки, а затем далее, вверх. Небольшие объёмы отправлялись вверх по Каме, в Чердынский уезд и на Печору. Покупателям выдавались на получаемую ими соль осо-

бые свидетельства и ярлыки, скрепленные печатью промыслового правления.

После отмены государственной монополии на продажу соли в 1854 году на прикамских промыслах вводится особый порядок продаж. Наблюдение от государственных органов за точной записью в книги прихода и расхода соли вёл соляной пристав, он же взysкивал с проданного количества в течение каждого месяца акциз в уездное казначейство, опечатывал двери амбаров и снимал печати для продажи, то есть присутствовал при отпусках соли. Если владельцы не оплачивали акциз, то он сам приступал к продажам.

Грузили соль на баржи следующим образом. Её выносили из магазинов, переносили на судна, где сыпали в кади и взвешивали. За этим наблюдали назначаемые вешатели и судовые приказчики, а также особые судовые приставники. Из весовых кадей соль ссыпалась через люки в трюм баржи и выравнивалась по всему судну, а по окончании наполнения «уповода» утрамбовывалась. На ночь магазинные двери запирались и опечатывались, люки на лодьях закрывались.

О судах, на которых доставляли соль к потребителю, Н. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии» писал следующее: «Суда, употребляемые в Пермской губернии для судоходства ... видом и сложением все сходствуют между собою; но разнятся больше величиною и некоторыми наружными частями, таковы суть: соляные суда, к которым причисляются лоды, межуумки и бархоты». Лоды были самыми большими судами, «из соснового и елового дерева топорной работы», плоскостонные, грузоподъемностью до 75 тысяч пудов. Их осадка с грузом была на 10 и 11 четвертей. Межуумки имели длину по днищу 28 сажень, ширину в носовой трети 6 сажень 2 вершка, в кормовой трети — 6 сажень и один аршин, высота 3 аршина 10 вершков. Бархоты — это самые маленькие из солевозных судов. На корме барж для управления установ-

ливали рули, на носу вдоль судна для управления судном располагали на перевязях большие вёсла, которые называли поносными. Для ускорения хода баржи использовали боковые вёсла, называемые гребными.

Против течения суда поднимали бурлаки. Там, где было возможно, применяли якоря, для этого их завозили на берег реки впереди баржи на специальных лодках, именуемых завознями, зацепляли и подтаскивали канатом с помощью ворота, установленного на судне. Если баржа попадала на мель, то соль с неё для облегчения баржи перевозили на другие на плоскостонных камских шитках. Со второго десятилетия XIX века в Прикамье для взводки судов против течения начинают применять коноводные машины. Первые коноводные машины появились на промыслах Всеволожских. Их использование позволило отказаться от труда тысяч бурлаков (до этого для подъёма лодей вверх против течения на каждую тысячу пудов груза нанимали три человека).

Верфи или, как тогда говорили, плотбища, где сооружались баржи, располагались в Соликамском и Чердынском уездах. Близ Соли Камской это были село Усть-Боровая и деревня Чертёж, находящаяся выше по течению реки Боровицы. Очень много было плотбищ в Чердынском уезде - по Каме, Вишере и Колве, в деревнях Малые и Большие Долды, Лекмартовой, Ужгинской, Конятовой и Аникиной, в сёлах Пянтег, Шакшер, Вильгорт, Покча, Серёгово, в Лимежском посаде. Судостроительный промысел был важным подспорьем в доходах крестьян этих уездов.

Для выварки соли требовалось огромное количество дров. Соликамские промышленники заготавливали дрова как в верховьях реки Усолки, так и в лесах, находящихся выше от города по течению Камы, в Чердынском уезде. Эти леса принадлежали государству, и за их вырубку надо было платить налог — попенные деньги. Владельцы солеваренных заводов отправляли в места за-

готовки доверенных лиц, которые заключали с черносошными (государственными) крестьянами договоры на поставку дров. Лес рубили зимой и складывали его в пойменных местах, плотили, а затем плоты собирали в плавни (такая плавь также называлась полотенцем). Как только река вскрывалась, приказчики высылали крестьян на лесосеки, где они заготавливали необходимые припасы - канаты из берёзовых прутьев для причалов, вёсла, шесты и прочее. В зависимости от расстояния, отправляли сразу от 20 до 50 плавей, в каждой от 25 до 50 сажень дров. По приближении к промыслам караваны причаливали к безопасным местам, специально назначенным ухватчиками. Выкладка дров на плотбища (места складирования) начиналась в июне и продолжалась до осени.

IV. Словарь терминов соляного дела

Особенности соляного дела, значение его для развития Пермского края отразились в многочисленных фактах языка. В представленном ниже Словаре описывается лексика и терминология солеварения. В него включены термины, обозначающие работников, занятых в промысле, названия сооружений на промыслах, инструментов соляного дела, особенностей технологии, наименования профессиональных операций в солеварении и пр. В основном описанная лексика и терминологическая фразеология является устаревшей, поскольку современная промышленная добыча соли основывается на других технологиях.

Источниками Словаря стали данные ряда пермских словарей, исторической и отчасти художественной литературы о солеварении, ряд архивных источников (см. список сокращений). В Словарь включены лишь отмеченные как пермские и уральские материалы. Это термины, которые относятся не только собственно к солеварению, но и к сфере судоходства и лесозаготовок, поскольку заготовка древесины и дров, торговля солью, её транспортировка тесно связаны с соляным промыслом. Структура словарной статьи включает само словарное слово (в ряде случаев в виде вариантов — црен, цирен, церен), его развернутое толкование. В большинстве случаев приводится также контекст словоупотребления термина (по данным народной, художественной речи, профессионального описания, деловых текстов). В конце словарной статьи в большинстве случаев приводится этимологизация термина, т.е. указывается на его происхождение.

Описанная терминология в основном имеет общерусские основания (за исключением древних тюркских заимствований, которые впрочем привлечены уже в русских значениях — см. бадья, каракуля; единичных заимствований в сфере судостроения типа голландских бархот, вёреха верфь). Образованы термины по распространенным в языке (в том числе и в современных профессиональных сферах) моделям. Так, название налога соляное сходно с терминами пожилое ‘денежный сбор с крестьян в Русском государстве XV-XVII веках при уходе их от землевладельцев’, медовое (налог на мед), езовое (пошлина с рыбных промыслов). Название лопаты с длинным чернем для вынимания соли из цреновой сковороды-поддона вынимало создано по типу соляных же терминов льяло, гребло, кружало с орудийным суффиксом. Для специальной речи характерны редкие в устной сфере образования с нулевой суффиксацией типа завар ‘процесс вываривания соли из соляного раствора’, сложные существительные типа россололив, солловолок, соллонос.

Существенная часть терминов — переосмысления известных слов. Термин матица, называющий главную часть россолоподъемной трубы, создан переосмыслением народного названия центрального потолочного бруса матица, который также делался из толстого ствола; метафорический перенос подчеркивает значимость этой части россолоподъемника, защищающего скважину (ср. также пермск. матица ‘основная лесовозная дорога’). Немало среди терминов зооморфных метафор (журавль — длинный шест, служащий ры-

чагом при подъеме бадьей воды из соляного колодца, лебедок — ворот лебедки). Встречаются достаточно сложные образные соотношения, опирающиеся на игру слова (пескарь — ‘работник, в обязанность которого входило во время сильного кипения рассола удалять из црена песок’ — каламбурное сближение слов песок и мелкая рыба пескарь создает шутивно-ироническую оценку работника низкой квалификации; ироническое прозвище жителей с. Новое Усолье варёшный стриж связано с намеком на их жизнь в лачугах на берегу и с требованием стричь волосы).

Источники и список сокращений

Виргинский — В.С. Виргинский. Начало парового судоходства в России. — М. 1948.

ДКГ — Архив князей Голицыных, Указы императрицы Екатерины II за 1772 — 1774, 1791 годы и дела конторы князей Голицыных. Отдел редкой книги Пермского государственного педагогического университета. Л. №. // Белова Л.А., Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII-XIX вв. Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. — 200 с.

ДСГД — Разные дела градской думы 1799 года. Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. Ф. 28. Д. 6.

КЗСИ — Кунгурская земская судная изба. Рукопись. Центральный государственный архив древних актов. Ф. 687.

ККМ — Соликамские столбцы XVII века. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей.

КСГ — Копии соликамских грамот XVI — XVIII вв. Рукопись. Пермская областная универсальная научная библиотека. Фонд редкой книги, № 61593.

КА — Кунгурские акты XVII (1668 — 1699 гг.). СПб. 1888.

КСК — Книга о соли каменной (1839 г.). Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. СКМ 3000/11.

КСПВ — Картотека Словаря Перми Великой, ПГУ.

КСт — Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623 — 1624 г. // Дмитриев А. Пермская старина: Сб. статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. С. 110 — 194.

ЛОИИ — Пермские документы XVII — начала XVIII вв. Рукопись. Архив Ленинградского отделения Института истории РАН. Ф. 122.

Мешавкин — В. Мешавкин. Пермьянка — соль горькая. Пермь: Пермское книжное издательство, 1977.

Описание и чертежи... — Описание и чертежи на инструменты употребляемые при устройстве новых и поправок старых россололивных труб в Пермских Ея Сиятельства Графини Софии Владимировны Строгановой Соляных Промыслах. 1830 год. (ГАПО. Ф.672. Оп.1. Д.128. Л. 19-33).

Петухов — Дмитрий Петухов. Историко-этнографический очерк «Горный город Дедюхин и окольные местности».

ПЖСД — Повседневный журнал Соликамской городской думы. Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. Ф. 28. Д. 10.

Полякова — Словарь пермских памятников XVI - нач. XVIII века. Вып. 1-6. Сост. Е.Н. Полякова.- Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-1996.

Попов — Н. С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804.

СПГ — Словарь пермских говоров. Вып. 1-2. Пермь, 1999.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1-42. М.-Л./СПб.: Наука, 1965 — 2007.

Устюгов 1957. — Н.В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

ЧА — Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1857. Кн. 25.

Ш — Шишонко В. Пермская летопись, периоды 1-5. Пермь, 1880-1887.

Список географических и исторических помет

араб. арабское
астрах. астраханское
арх. архангельское
волог. вологодское
вятск. вятское
диал. диалектное
донск. донское
коми-пермяцк. коми-пермяцкое
нем. немецкое
свердловск. свердловское
сев. северное
сиб. сибирское
соликамск. соликамское
стар. старое

Словарь

БАДЬЯ. Ёмкость из железа или дерева внутри рассолоподъемной трубы обычно длиною в сажень, с помпой из кожи, с клапаном на дне. (Устюгов; СРНГ). - Заимств. из тюркских языков, где исходно бадья называется сосуд для вина.

БАРАН. Ворот для поднятия шестов с трубными инструментами (долотами, бадьей и пр.) на соляных промыслах. (СРНГ). - Образовано по типу других наименований технических приспособлений с выражением – ср. баран – ворот для поднятия рыбацких снастей, приспособление для наматывания вытканного холста, ниток и пр.

БАРХОТ, БАРХАТ. Большое речное плоскодонное судно для транспортировки соли (грузоподъемность до 40 тыс. пудов, длиной до 20 саж., шириной до 5, в осадке 8 четвертей и более); то же, что белана. (СРНГ – известно и как вятск., арх.). - Термин образован не от обозначения ткани с ворсом, а от голландского *baghout* 'утолщенный пояс наружной обшивки деревянного судна'.

БАУТ. Железный болт, стержень для скрепления деталей чрена. Замки, называемые ставы для

пермск. пермское
кемер. кемеровское
тотемск. тотемское
др.-русск. древнерусское
усольск. усольское
сербохорв. сербохорватское
олонецк. олонеецкое
укр. украинское
уральск. уральское
черд. чердынское
тверск. тверское
ростовск. ростовское
Чус. Чусовский район Пермского края
яросл. ярославское

сращивания ... в середину ознеченных вилок вкладываются инструменты ушами и укрепляются железными баутами с прикреплением для сжиму напущенных железных колец с деревянными клиньями. Того же сковородника к верхнему концу прикрепляется другой шест с таким же замком ... - Из англ. *bolt* или голл. *bout* 'болт, палка; широко применяется для называния стержней в инструментах, приспособлениях-петлях.

БЕЛОЕ. Суц. Соль. (СРНГ - соликамск.). Название дано по общей модели создания обобщенного наименования переводом прилагательного в существительное (ср. пермск. мелкое, огородное овощи, всё, что высаживают на грядках, печешное собираютельно о кухонной утвари).

БЕЛЯНА. Баржа для перевозки грузов (солеваренных дров, соли). Беляны и на Каме были. Такая большая баржа, сажень тридцать в длину, более сорока тысяч пудов, когда плавали. На беляну-ту и носила дрова с берега. Она ведь без палубы - бабы в беляну-ту падали. Толстик Соликамск. Придут баржи ли, беляны ли, - носили на их дрова. Тюлькино Со-

ликамск. (СПГ). - Образовано либо от названия реки Беляя, притока Волги, где широко применялся этот тип судов, либо названо по внешнему виду (эти суда не смолили и не красили).

БОЙ. Процесс пробивания скважины. ... для удобного битья вверху к месту прикрепляется ремнями 2 березовые рычага 1 внутри клетки или избушки где стоят должно у того бою работников 18 человек да по ныне их у того шеста на потолке у избушки 12 человек. (Описание и чертежи...).

БОЛВАН. Деревянный шест для крепления долота для пробивания скважины. Прикрепляются же оные долота прирезкою к.. деревянному шесту называемому болваном с 5-м и 6-м железными кольцами, бьются 1-м долотом во глубь сажени на три ... для удобного битья вверху к месту прикрепляется ремнями 2 березовые рычага 1 внутри клетки или избушки где стоят должно у того бою работников 18 человек да по ныне их у того шеста на потолке у избушки 12 человек. (Описание и чертежи...).

БОЛВАН. Деревянный шест для крепления долота для пробивания скважины. Прикрепляются же оные долота прирезкою к.. деревянному шесту называемому болваном с 5-м и 6-м железными кольцами, бьются 1-м долотом во глубь сажени на три ... для удобного битья вверху к месту прикрепляется ремнями 2 березовые рычага 1 внутри клетки или избушки где стоят должно у того бою работников 18 человек да по ныне их у того шеста на потолке у избушки 12 человек. (Описание и чертежи...).

БОЛВАН. Деревянный шест для крепления долота для пробивания скважины. Прикрепляются же оные долота прирезкою к.. деревянному шесту называемому болваном с 5-м и 6-м железными кольцами, бьются 1-м долотом во глубь сажени на три ... для удобного битья вверху к месту прикрепляется ремнями 2 березовые рычага 1 внутри клетки или избушки где стоят должно у того бою работников 18 человек да по ныне их у того шеста на потолке у избушки 12 человек. (Описание и чертежи...).

БОЛВАН. Деревянный шест для крепления долота для пробивания скважины. Прикрепляются же оные долота прирезкою к.. деревянному шесту называемому болваном с 5-м и 6-м железными кольцами, бьются 1-м долотом во глубь сажени на три ... для удобного битья вверху к месту прикрепляется ремнями 2 березовые рычага 1 внутри клетки или избушки где стоят должно у того бою работников 18 человек да по ныне их у того шеста на потолке у избушки 12 человек. (Описание и чертежи...).

БУЛАВА, БУЛАВКА. Металлический стержень с расширением на конце для очищения от породы края (порога) варничного колодца, в который упирается труба. Булавка гладильная круглая железная с небольшими зубьями такой же длины и ширины как вышеозначенный круглый большой инструмент, она употребляется для того жу порогу, чрез коей узнается более гладкости в гнезде порога. (Описание и чертежи...).

– Из переосмысления по внешнему сходству названием стержня с шарообразной головкой (булава как орудие), с шарообразным концом (булавка для скрепления).

БУР, БУРАВ, БУРАВА. Железное большое сверло в виде желоба с винтовым носком для бурения трубы или буровой скважины (было внедрено после использования колодезного способа, а также пробивания скважин стальной бабой). (Устюгов). Шель земляных буров железных со стальной наваркою ... у коих бока острые и немного пригнуты наподобие напарья. Оными буровами при загоне матичного дерева крепкую землю, называемую луду и глину просверливают... (Описание и чертежи...). =Притинный бур. Вид инструмента для бурения. Притинный буров со стальной наваркой в длину в четверть с верхком употребляется ... для ошлифованная камень, коей назначен на порог под обсадной трубки – у оного бурова острый конец опускается в малую (поддеику) ниже порогу для прямого ходу и ошлифованной у порога гнездо. (Описание и чертежи...).

– Слово бур, буров может восходить как к немецкому *bohren* (сверлить), так и древнерусскому *бурвать*. В сочетании притинный буров использовано прилагательное притинный от притин, притина, частое название соединенных парных деталей (от устар. тин 'грань').

БУРГА. Предд. в Приуралье (по меньшей мере, в районе Соликамска) название опытного мастера солеварения. - Вероятно, в связи с известным диалектным варга 'голова, разум' (СРНГ).

БУРЁНКА. Варница. Михайло Филиппович... и говорит: «Сумеешь соврать, что рассол не гожд для промыслу, уговорить не ставить варенку, твои будут денги. (В. Мешавкин).

ВАРЕЦ. Мастер в соляной варнице, руководящий вываркой соли; то же, что повар. - Образовано от варить 'получать соль вывариванием', как жнец и пр. (известно в говорах и в значении 'пивовар').

ВАРИШНЫЙ. Работающий на варнице, занятый на выварке соли. У плотника без топора, у сапожника без сапог, у варишного стрижка — без соли (пословица). (СРНГ - соликамск.).

ВАРНИЦА, ВАРНИЦА. Солеварня; обычно деревянный крытый сарай. В слободе же на речке... варница соляная монастырская (Полякова). - Образовано с помощью суффикса -ниц(а) от глагольной основы по типу звонница, бойница, мельница. =Белая варница. Варница с печью, в конструкции которой предусмотрен отвод дыма. Черная варница. Варница с открытой печью в вырытом углублении (яме) по типу курной избы (без окон, но с отверстиями для дыма в крыше, стене). Баварская варница. Одно из названий белых варниц. – Подобно заграничным варницам, в баварской варнице использовалась для варки соли система жаровых ходов, сделанных по принципу лабиринтов.

ВАРЯ. Суточный процесс выварки соли от затопки печи до выноса соли на сушку. Варю вечером кончили. Разогнали мужики... пришел приказчик. (Мешавкин). =Варя (соляная) суточная. Старинная промысловая податная мера; единица, обозначающая выварку ежедневной порции соли от затопки печи до выгреба соли. Обрядная варя. Первая с заваря, т.е. после очистки чрена выварка соли. (СРНГ). Рядовая варя. Первая после обрядной вари (см. выше) выварка соли. (СРНГ).

ВАТАГА. Артель на соляном и т. п. промысле. (СРНГ). Из названия товарищества для работ - ватага, от древнетюркского, где использовалось для называния семьи.

ВЕРЕТНО. Часть инструмента для сверления, для вынимания из скважины рассольных трубок. Винт железный длиной 13 четвертей толщиной веретно в вершок с винтом в 1 ¼ вершка. Сим инструментом вытягивают веслые трубки, когда оный в трубки будет отпущен и завинчен. (Описание и чер-

тежи...).

– От веретено, из обозначения отнесенности к верчению, кручению, ср. диалектные названия буравчика, сверла типа веретель.

ВЕРЕХА. Верфь, на которой строятся суда для соляных промыслов. - Сближение слова верфь с диалектным верех 'верх' устранением неполногласия.

ВЕСАТЫЙ. Суц. Кто взвешивает соль, принятую от грузчика; весовщик.

ВЗВОД. Подъем, «возведение» дровяных гловтов вверх по рекам к соляным промыслам. (Устюгов).

ВИНТ. =Венцовый винт. Бур для проходки скважины в виде тяжелого, пустого внутри железного цилиндра, заканчивающегося зубчатый венцом.

ВОДОЛЕЙ. Работник, носящий соляной раствор из колодца в варницу, отливающий пресную воду в трубе.

ВОДОЛИВ. Человек, добывающий соляной раствор из соляных труб и заливавший его в чрен. У тех же варниц анбар соляной избушка где живут водоливы. (Полякова). Алексей... половину денег водоливу варничному отдад. Ты, говорит, больше меня робил... (В. Мешавкин).

ВОЛК. Приспособление-зажим с крючками-шипками для вынимания обсадной трубки из скважины. Волк - 12 железных копей с острыми концами длиной в 4 вершка крючков врезанных рядами по четыре в деревянной круглой толщиной в 3 ½ вершка шест, и с напуском на оный для крепости железных колец. – Оным инструментом поднимают обсадные трубки таким образом: запущи оной с силою в верхнюю обсадную трубку, и когда будут кверху поднимать, тогда острые косые концы в трубку врежутся и поднимать оную будут. (Описание и чертежи...).

ВОРОТЯШКА. Грузоподъемная машина из вала с рукояткой, на которой наматывается канат или цепь для подъема рассола.

ВЫВАРКА. Получение соли кипячением рассола. Достальную соль которая сверх того на тех промыслах в выварке будет велено ему продавать в Нижнем. (Полякова).

ВЫНИМАЮ. Лопата с длинным (до шести метров) чернем для вынимания соли из чреновой

труба. (СРНГ). Из описания устройства труб видно, что матичная труба состоит из цельного дерева, диаметр одной в 8 и 9, обсадных 4, а веслых 1 и 2 вершка. (КСК). Труба рассолоподъемная. Общее название конструкции из основной маточной трубы, входящих в нее обсадных труб и узких веслых трубы. Устройство рассолоподъемных труб, достигнутое здесь до 75 и 90 саженной глубины и до каменносольного пласта, и открытие рассолов 28 градусов... доказывают опытность, познание и предприимчивость русского народа. (КСК). Вёслая (вёслёлая) труба (трубка). Деревянная труба (трубка) для извлечения рассола на соляных промыслах, устанавливая в зоне соляных пластов. (СРНГ – уральск.). Веслая труба до 50 сажен, из множества деревянных трубок, обвитых пражей и холстом, залитых варом. Веслые трубы большей частью изготовлялись из дерева, реже – из металла. После посадки веселых труб и укрепления их бурение еще продолжали на несколько саженной вглубь, но другим более узким буровом. (Устюгов). Обсадная труба (трубка). На соляных промыслах — рассолоподъемная труба внутри стеной матицы, расстояние между которыми туго конопатили войлоком, паклей или овчиной. (СРНГ, Устюгов). Обсадная труба – рассолоподъемная труба, длиной до 25 сажен (из колен, скрепленных тягами), с отверстием в три с половиной вершка. Низ трубы бивается войлочным и кожаным запором, трещины обработаны горячим варом. Преодоление различных препятствий, как при проходе труб, так и при добыче оставленных инструментов, сломанных шестов и повредившихся обсадных и веслых трубок (КСК).

ТРУБНИК. Мастер по установке рассолоподъемных труб. Крепко к себе держал тайну мастерства Орефьев... чуял трубник: приближается старость, и берег секреты для сына. (Мешавкин).

ТЧАННИК. Кто изготовляет бочки-тчаны. – Из дщан сосуд из досок, далее тчан, чан; старое название бондаря-тчаника дало распространенную фамилию Тчанников.

ТЮРИК. 1. Цилиндр, ворот, на который сматывают веревки при опускании и подъеме бады, бур-

вых инструментов. (Устюгов). 2. Цилиндр для забора породы из шахты при проходе. Тюрик деревянный окованный железными кольцами, а нижний у него конец окован железом. Длинною выше одной тюрки 10 чет. С верхком, шириною по середине в диаметре 7/2 вершков. ... загоняют в землю матичного дерева оным тюрком силою осьми человек толкут песок и глину в воде и во время толчения его песок и глина в тюрки садится, который и поднимают вверх... (Описание и чертежи...). – Вероятно, от турить гнать, слово тюрки используется и как обозначение навоя инструмента для размота пражки на оси (пермск.), лотка, по которому сыплется мука на мельнице (вятск.).

УВАРЬ. Уменьшение рассола при варке. Вдруг оказалось в доброту рассолов знатное умаление почему и в выварке соли у каждой вари в округлость против первых по 3 мешка увари уменьшения. (ДКГ).

УДИЦА. Инструмент с захватом для удаления из скважины отслужившего оборудования Удица железная со стальной наваркой длиной в 3 аршина толщиною в вершок. Оной на старых повредившихся обсадных и веслых трубках разрезают мочальную конопать, и на зубьях вынесет в верх, вместо сей удицы употребляется так же и трезуб. (Описание и чертежи...). – Из стар. уд член тела (от обозначения того, что вне), ср. также уд наст.

УЖИЩЕ. Длинный канат, веревка. Ужища водолейные – веревки, которыми льяло прикреплялось к журавцу. (Устюгов). – Родственно со стар. узы то, чем связывают, ср. также вятск. липовое ужище 'толстый мочальный паромный канат'.

УНИМАЛЬЩИК. Рабочий на варнице, смотрящий за печью, регулирующий жар при выварке соли. Алексей старался примечать все: как робит гребец, управляясь с гребелками, что делает унимальщик на сковородке, как правит соль повар. (Мешавкин). – От унимать усмирять, успокаивать; регулирование температуры осуществлялось открыванием варницы для охлаждения.

УНИМКА. Поддержание равномерного тихого жара в печат при варке соли. – О происхождении см. выше унимальщик.

УСОЛЬЕ. Место скопления подземных соляных источников и добычи соляного раствора. Ему Григорью тех усолой не опустошать и в выварке соли чинить не малым числом и отпускать для продажи в Нижней и в иные города той соли. (Полякова).

УХВАТЧИК. Кто занят поимкой, добычей дров из дровяных плотов на реке. Ухватчики, занимаемые из солеваров и солоносов, перенимают сплавленные из Верхокамья дрова. (Петухов).

ХВАТКА. Задержка дровяных плотов, приплывающих по реке. (Устюгов).

ЦЕЛОВАЛЬНИК. =Целовальник лодейный. Лицо, наблюдавшее за постройкой судов. Писал я к тебе Назарей Петрович отписку о присылке усольских и чердынских лодейных целовальников для многих лодейных нужных дел. (Полякова). Соляной продажи целовальник. Лицо, наблюдавшее за продажей соли и уплатой пошлин с продажи. Дал сию запись... чердынскому выборному соляной продажи целовальнику того ж прошлого года Гаврилу Евтихию сыну Пименову. (ЧА).

ЦЕПНЯ. Емкость на цепях, которой черпают рассол из скважины. Рассол извлекали чрез одни обсадные трубки, бадыми или цепнями, посредством ручного воротка. (КСК). – От цепь, т.е. как указание на вместилище для того, что названо мотивирующим словом (по типу колокольня место для колоколов).

ЦРЕН, ЦРЕН, ЦЕРЕН. Большая чугунная сковородка-жаровня, котел над варничной печью, ящик из толстого листового железа для выпарки соляного рассола. На изготовление обыкновенного црена уходило до 400 кованых листов-полиц, до 6 тысяч заклепочных гвоздей, црен мог весить до 50 пудов (800 кг), размеры – длина 12 м, ширина 10 м, высота до 10 вершков. Емкость цырена доходила до 28000 ведер. (Устюгов). Продад есмь варницу свою и с цыреном и з дугами и з трубою и з жарвцем и с онбаром. (КСГ). - Связано со старым названием очага как части печи, ср. укр. чэрнь очаг, плита, под печи, др.-русск. жаровня на железном

треножнике, арх. черен вообще котел, сербохорв. колпак над плитой с отдушиною наверху, около дымохода; жаровня над очагом в крестьянском доме; мелкая корзина для сушки зерна над очагом.

ЦРЕННЫЙ. Относящийся к црену. Место варничное с цреном держаным и с цренными ножками сколько есть да смнатцать гнезд цренных дух. (Полякова).

ЦРЕНЩИК, ЦЫРЕННИК. Мастер, изготовляющий црены, особые сковороды-противни для варки соли. Купчая на дворовое место Гавриловское цренщика и с ветхою избою что на том месте. (Полякова).

ЧРЕН. Особая сковорода (противень, котел) для выварки соли; то же, что црен, цырен, церен (см.). Чрен, или как называют здесь цырен, делают из толстого кубового железа, сшитого гвоздями; длина чрена 13, ширина 12 аршин, а глубина 12 вершков; он висит над подчренной печью на железных дугах... и при навешивании его наблюдают, чтобы задняя сторона против передней была ниже на 1 вершок. (КСК).

ШАРЕЙ. Натек грязной соли под чренами. Трепка, которая садится на железо, дрянно-то вся, или сольной шарей, сейчас ее скоту дают. Треской называли сользаводовцы, а мы – шарей. Жуланова Соликамск. (СПГ). – Вероятно, аналогично близкому треска (см.) из звукоизобразительного шар (в горах – обозначение сильного удара, резкого броска, ср. шарах об ударе). Дальнейшее оформленное звукоизобразительного комплекса в слово осуществлено с помощью суффикса –ей, указывающего на признак, отмеченный в корне; ср. пырей, соловей воробей (последнее – также со звукоизобразительной основой). Возможна и отдаленная связь с диалектным (арх.) шарей туман с моря (воспринимался негативно – как знак предстоящего похолодания, дождей).

ШЕЛОМ. Буровой инструмент типа толстого сверла-напарь для прохождение грунта, зачистки. (Устюгов). Малый шелом железный длиной с веретеном 2 аршина 1 ½ вершок в нем шири-

ны 5 ½ вершков. Оный употребляется когда тюрки не поднимут мелкую гальку и песок, тогда работают сим шеломом ходом в круг. Большой шелом железной длиной 2 аршина 1 вершка шириной 6 верш. Сим работают после малого шелома так для очистки глины и песку. (Описание и чертежи...). – От сопоставления со шлемом округлого конца сверла, ср. в профессиональной речи шелом колпак перерогонного куба.

ШИТИК. Парусное плоскородное судно, длиной от 7 до 15 саженей, грузоподъемностью от 1 до 8 тысяч пудов. В сдешем месте суда бывают купеческие называемые камские шитики длиной от семи до пятнадцати сажен шириною в носовой трети смотря по соразмерности/длины плоскородные, овие с матчами и с рулями из обыкновенных елевых пильных лесов грузу поднимают от тысячи до восьми тысяч пуд, грузом же бывают оныя от пяти до десяти четвертей аршина. (ДСГД). 2. Весельное судно с округлым дном, грузоподъемностью до 100 пудов. Фасад шитика поднимающего груза до 100та пуд. (КСК).

ШПРЕНДЕЛЬ. Бревно для крепежа, поддерживающее поперечные балки в солеварнице; то же, что подхват. Чрен... висит над подчренной печью на железных дугах, прикрепленных к 8 м деревянным листовичным перекладам поддерживаемых тройными подхватями (шпренделями). (КСК). – Искж. из нем.; ср. нем. sprengen 'распирать'. Шпрендели широко использовались в строительстве, в том числе для подвешивания колоколов на звонницах.

ЩЁЛОК. =Щелок матичный. Жидкость, оставшаяся после выварки соли. Когда соль поспеет, тогда оную железными греблями пригребают к передней и задней сторонам цырена, и пока из оной матичной щелок (суша) вытекает, между тем вываренную в минувших сутках и просохлающую выносят в магазейны. (КСК).

ЯМА. =Топочная яма. Глубокая яма, открытый очаг для выпаривания соли в т. наз. черной варнице (глубиной до 3,5 м, выложена камнями и глиной).

ЯРЫЖКА. Нанятый на соляные работы разнорабочий.

ЯРЬЖИНЫЙ. Наемный (о рабочем на соляной воде, на барже). (Устюгов). – От ярыжка в связи с ярь; в горах беспутный, далее — характеристика пьяницы, мошенника бойкого человека (олонецк.).